

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

СТАЛЬ
ИМПЕРАТОРА

Боевая фантастика (АСТ)

Сергей Васильев

**Император из стали:
Сталь императора**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Васильев С. А.

Император из стали: Сталь императора / С. А. Васильев —
«Издательство АСТ», 2021 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-145892-8

Доверху груженный межнациональными конфликтами и сварами транснациональных корпораций, отягощенный биржевым и банковским кризисом, громящая пока еще региональными войнами и отчаянно скрипя перьями дипломатов, поезд мировой геополитики тяжело вползал на заснеженный полустанок 1901 года... Шахматные политические доски были тщательно подготовлены. Фигуры расставлены. Император намеревался в этой партии играть белыми.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145892-8

© Васильев С. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

У истоков XX века	6
Визит к Фальку	17
Госсовет и комплот	23
Кровавое воскресенье	28
«Карфаген должен быть разрушен»[9]	39
Георгий Победоносец	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Васильев

Император из стали: Сталь императора

Дряхлеющая нация опирается на бывшие заслуги, как немощный старик – на посох; сильная оставляет их музеем, сжигает штандарты врага и шагает дальше.

© Сергей Васильев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

У истоков XX века

Доверху груженный межнациональными конфликтами и сварами транснациональных корпораций, отягощенный биржевым и банковским кризисом, громыхая пока еще региональными войнами и отчаянно скрипя перьями дипломатов, поезд мировой геополитики и макроэкономики тяжело вползал на заснеженный полустанок 1901 года.

Человечество вступало в новую эпоху – «век электричества». Из салонных развлечений и фокусов вылупились невиданные ранее промышленные отрасли – электромеханическая и энергетическая. Забавная игрушка Майкла Фарадея превратилась в двигатель на электротяге, а соленоид с сердечником Андре Мари Ампера открыл незнакомые ранее способы выработки электроэнергии. Промышленность и города стремительно электрифицировались.

Словно откликаясь на невидимые магнитные поля, создаваемые тысячами неведомых машин, пришел в движение человеческий океан. Избыточное население метрополий сливалось в колонии. Село перетекало в города. Совсем еще недавно крестьянская, Европа к 1900 году почти половину своих бауэров и пейзажей делегировала на заводы и фабрики.

Там, где встречались и сталкивались людские потоки, человеческие драмы соседствовали с трагедиями, по сто раз на дню завязывались новые отношения и рушились вековые союзы, торговались товары и головы, а особо ушлые представители хомо сапиенс цинично заявляли, что друг – это тот, кого невозможно купить, но можно очень выгодно продать... Впрочем все, что касается людей, было абсолютно справедливо и для государств.

Британские потомки отчаянных пиратов, ставшие лордами и пэрами, металась по всей планете, защищая свое «священное право» единолично грабить страны Третьего мира, уже не успевая закрывать все щели, через которые в зону их жизненных интересов со всех сторон лезли деловитые конкуренты. В 1900–1901 годах в Африке Лондон увлеченно давил и душил бурские государства. Постоянно отступая под ударами английских войск, буры перешли к тактике партизанской войны, совершая налеты на коммуникации и отдельные британские посты. Лорд Китченер приказал заключить женщин и детей, находящихся в родстве с повстанцами, в концентрационные лагеря и усилил начатую Робертсом тактику «выжженной земли», разрушая бурские фермы.

В это время на другом конце империи, в Индии, уже начинался очередной голодомор. Вместе с ним росло недовольство колонизированных племен. А буквально в двух шагах от главного бриллианта Британской короны уже бродили летучие отряды русских охотников. Германия шастала вдоль всего побережья Индийского и Атлантического океанов, примеряясь, где бы взяться за него поухватистее. Раздухарившиеся американские колонисты расползались по Тихому океану, как тараканы, объявив в 1900 году своей собственностью Гавайи...

Да и в самой столице королевства было совсем неспокойно. На конференции в Лондоне Независимая лейбористская партия, Фабианское общество, Социал-демократическая федерация и профсоюзы учредили Комитет независимого представительства трудящихся в парламенте. Секретарем Комитета был назначен Рамсей Макдональд.

Аккурат 31 декабря у одного из кромлехов в доисторическом памятнике Стоунхендж в Южной Англии вдруг упал вертикально стоящий камень и рухнула перемычка. Впервые подобное случилось в 1797 году и ознаменовало приход Наполеона, поставившего Великобританию перед смертельной угрозой поражения. А потом, в самом начале 1901 года, умерла королева Виктория, и элиты Европы замерли в ожидании...

В первую очередь застыл Париж. Лощеная и утонченная законодательница европейских мод, Франция в 1901 году больше напоминала старуху-процентщицу Достоевского. Ростовщичество – главная кобылка, на которой выезжала экономика Третьей республики в конце XIX – начале XX века. Два миллиона французов существовало за счет вкладов в банки и цен-

ные бумаги. Причем из 100 миллиардов кредитных франков лишь десятая часть была влита в национальную промышленность. Остальная масса оказалась вывезена и размещена в зарубежных векселях с доходностью на четверть выше национальной. Собственная индустрия страдала малокровием – в 1900 году 94 процента всех французских предприятий имели от одного до десяти работников. И хотя с 1870 года французская промышленность выросла в три раза, мировое производство в те же годы увеличилось в пять, и гордые галлы покинули тройку лидеров, переместившись со второго на четвертое место, уступив США и Германии, стремительно набирающим темпы промышленного роста.

Над всей этой мелочевкой уже вздымались стальными исполинами прусский милитаризм и германский экспансионизм, еще не успевшие напиться крови, но уже не скрывающие свои аппетиты. Быстро растущее население, экономика и амбиции Германии все больше ощущали недостаток *Lebensraum* (жизненного пространства), хищно поглядывая на соседей по глобусу, отягощенных явно излишней земельной собственностью.

В 1900 году в Германии был принят Закон о военно-морском флоте. В соответствии с ним планировалось построить океанский *Hochseeflotte*, превышающий по своей мощи британский *Grand fleet*. В этом же году в Германии первый испытательный полет осуществил цепелин, незамеченный и неоцененный ни одним военным экспертом. Глядя на это неуклюжее недоразумение, никто не мог предположить, что совсем скоро гигантские воздушные корабли начнут наводить ужас на полях сражений. А в концерне Круппа уже трудилось 40 тысяч человек, денно и ночно штампующих оружие. Весь финансовый и материальный потенциал оружейного гения был направлен на армейские нужды, вся продукция имела военное приложение. С Австро-Венгрией и Турцией уже был согласован маршрут железной дороги «Берлин—Багдад», откуда до британских владений было рукой подать. От всего вышеописанного холодела спина и у процентщицы Франции, и у чопорных островитян с Туманного Альбиона.

Точно такими же глазами, как Германия, из-за океана на весь Старый Свет глядела Америка. Она не хотела колоний. Она не стремилась к союзам. Америке нужен был мир. И желательно – весь! В США, или как тогда их называли – САСШ, происходило все самое интересное. Генри Форд уже изобрел, но пока не внедрил массовое поточно-конвейерное производство, которое совсем скоро перевернет весь потребительский рынок, сделав дешевыми товары, доступные еще недавно только очень богатым людям. Там же, в Америке, уже оперились и вылезли на свет две крупнейшие финансовые группы – Моргана и Рокфеллера. Они вот-вот станут инициаторами учреждения Федеральной резервной системы – банка мировых войн. Американец Реджинальд Обри Фэссенден в 1900 году впервые осуществил передачу публичного выступления по радио. «Истмен Кодак компани» приступила к выпуску фотоаппаратов «Брауни», предлагаемых всего по доллару за штуку. Братья Райт в своем сарае увлеченно мастерили первый в мире аэроплан. Верфи Крампа штамповали военные корабли, как горячие пирожки: «Индиана» – головной корабль этого типа для ВМФ США, «Касаги» – для ВМФ Японии, броненосец «Ретвизан» и крейсер «Варяг» – для России, «Меджидие» – для Турции.

По другую сторону Тихого океана затаилась оскорбленная Япония. У нее отобрали отвоєванный у Китая Ляодунский полуостров, тут же прибранный к рукам русским царем. Японцы поняли, кто среди гайдзинов является самым главным гадом. Японии поддакнули добрые английские друзья: «И что, вы это все так просто стерпите?» Япония терпеть не собиралась и сосредоточенно готовилась. Тридцать лет назад – в 1870 году – произошла революция Мэйдзи, превратившая феодально-раздробленное государство в сверхцентрализованное, упразднившее сословные привилегии и положившее начало вестернизации и индустриализации. В 1900–1901 годах этот локомотив уже разогнал и неуклонно тащил Японию в гору милитаризма, превращая страну в один большой военно-промышленный лагерь. Семьсот семьдесят миллионов иен, половину из которых составляли кредиты Британии, были брошены на строительство нового флота и модернизацию армии.

Можно сказать, что к войне с Россией Японию готовили всем миром. Франция взяла шефство над легкой промышленностью, начав с продажи Токио трехсот новейших шелковых мотальных машин. Поль Брюнэ возглавил коллектив французского технического персонала, следившего за работой на машинах, и обучал японских рабочих. Британское правительство озаботилось строительством железных дорог, предоставив финансирование, железнодорожные вагоны и даже главного инженера-строителя Эдмунда Мореля. В общей сложности около трех тысяч иностранных специалистов прибыло в Японию на пике модернизации, и это не считая военных.

Офицеры британского военного флота натаскивали японских моряков. Прусские военные специалисты усиленно дрессировали армию. Англосаксы строили для ВМФ Японии военные корабли и подвижной состав, поставляли портовое оборудование и снаряжение. Широкой полноводной рекой лились в Японию американские природные ресурсы и продовольствие. Естественно, что с такой «спиной» аппетиты японских генералов росли не по дням, а по часам – они уже видели флаг Хиномару не только над Кореей и Маньчжурией, но и над всем русским Дальним Востоком и даже над Уралом.

И вот между этими клокочущими, полными энергии германским и японским вулканами простиралось громадное сонное царство Российской империи. Уже ушло в далекое прошлое время, когда без разрешения русского царя не стреляла ни одна пушка в Европе. Крымская война излечила Старый Свет от боязни русской армии, а неуклюжая русско-турецкая кампания 1877 года окончательно убедила весь мир, что медведь одряхлел и уже не может претендовать на былое величие.

В 1900 году граф Муравьев, министр иностранных дел России, предложил Франции и Германии оказать совместное давление на Великобританию, чтобы положить конец войне в Южной Африке, и был дипломатично послан в дальние дали. Германия вежливо отклонила предложение. Франция решила воспользоваться ситуацией для того, чтобы усилить свое присутствие в Марокко. Англия инициативу России демонстративно проигнорировала. Ранее русский царь был поднят на смех «своими западными партнерами» за предложение о всеобщем разоружении. Коллективный Запад воспринял эти инициативы как мольбу о пощаде, а такой опции в списке доступных у него средств не было. На России поставили крест и оставили на сладкое.

Когда в Османской империи началась резня армян, Николай II попробовал возмутиться, но был встречен ледяным равнодушием, а кайзер даже демонстративно посетил Стамбул, чтобы выразить свою поддержку султану и показать России, что он думает по поводу ее возмущений.

Зато крайнюю озабоченность Англии вызвало строительство Транссибирской магистрали, военные и дипломатические успехи русских в Китае. И «англичанка опять начала гадить», сколачивая антироссийскую коалицию. Обратилась даже к нелюбимой ею Германии. Там канцлером недавно стал фон Бюлов, тоже бывший сторонником англо-австро-германского блока против России и Франции. Удалось достичь договоренности: кайзер прекратит помощь бурам, а англичане смирятся с ростом немецкого влияния в Турции. Британцы сочли, что Берлин поможет укрепить расшатанную державу Абдул-Гамида, что тоже ложилось в русло антироссийской политики. Слава богу, что дальше переговоры зашли в тупик. Лондону требовалась поддержка для войны на Дальнем Востоке. Берлин рассудил, что в такой компании весь выигрыш достанется Британии, а кайзеру нужна была помощь для войны в Европе. Это не устраивало уже англичан, поскольку означало установление германского господства у себя под боком. В итоге высокие договаривающиеся стороны до дележа России не доехали.

Впрочем, царю это помогло слабо. Не найдя понимания в Германии, правительство Британии обнаружило его в Японии, и с этого момента дружба Лондона и Токио превратилась из взаимовыгодной в закадычную. Достаточно сказать, что новейшее английское орудие 12"/40

Mark IX, ставшее главным калибром английского флота, впервые было установлено на японских броненосцах «Фудзи» и «Ясима». На британских военных кораблях оно появилось лишь спустя четыре года! Это к слову о том, насколько серьезно относились англичане к вооружению японского флота новейшей техникой.

Четверка других японских броненосцев – «Сикисима», «Хацусе», «Асахи» и «Микаса», построенных на верфях «Армстронг», «Джон Браун» и «Тэмз Айрон Уоркс», – при всех их небольших различиях, находилась в одной весовой категории с крупнейшими и сильнейшими в мире английскими кораблями и ни в чем им не уступала. А может быть, и превосходила.

Тогда же у ВМФ Японии появились построенные в Эльсвике, как раз прославившемся созданием относительно небольших и дешевых, но при этом весьма мощных судов, крейсеры «Асама» и «Токива». За ними последовали почти идентичные «Идзумо» и «Ивате». Мощностей одного «Армстронга» японцам не хватало, поэтому еще два сходных крейсера – «Адзума» и «Якумо» – были заказаны во Франции и Германии.

А в это время Российская империя не спеша достраивала Транссиб, разрывалась между возведением крепостей в Либаве и Порт-Артуре, боролась с банковским кризисом 1899 года, переползающим в промышленность, и понимала, что уже не успевает латать все экономические дыры и отвечать на все геополитические вызовы. Стеснение в оборотных средствах регулярно приводило к срыву поставок и затруднениям производства товаров отечественной промышленностью. Банкротились вчера еще надежные предприятия, на ладан дышали банки, откровенно нищенствовала деревня.

Благодаря золотому рублю и чрезвычайно высокому покровительственному тарифу общий объем иностранного капитала в России скакнул к 1900 году с 200 до 900 миллионов рублей, а доля его в российских предприятиях поднялась до половины от всех инвестиций. За сомнительную радость быть достойной внимания денежных мешков Россия платила полмиллиарда золотых рублей в год в виде завышенных цен на жизненно необходимые товары.

Все это время всесильный министр финансов С. Ю. Витте держал военно-морской флот на строгой финансовой диете. Выбор типов судов при строительстве определялся не их тактико-техническими качествами, а дешевизной производства. Например, сошедшие со стапелей Санкт-Петербурга крейсеры, носящие имена древнеримских и древнегреческих богинь «Диана», «Паллада» и «Аврора», при внушительном водоизмещении в шесть с половиной тысяч тонн, были оснащены самой слабой в этом классе кораблей артиллерией без всякой броневой защиты. Сэкономили даже на примитивных щитах.

В армии положение было не лучше. Армейские уставы на разные лады перепевали рулады на тему «пуля – дура, штык – молодец», а за ними скрывался жесточайший патронный дефицит и отсутствие всяких соображений, как его преодолеть. С огромным трудом доведенная до производства трехдюймовка не имела достойной обвески и боеприпасов. Первую партию мосинских трехлинеек и ту пришлось заказывать во Франции – в России просто не оказалось достаточных производственных мощностей. А еще были проблемы со снаряжением, обувью, подготовкой офицеров и унтер-офицерского состава, планированием, интендантской службой и прочая, прочая, прочая...

На фоне этой тотальной безнадеги был один нюанс, не учитываемый ни Западом, ни Востоком, – личность одного из самых успешных и самых грозных руководителей Красной империи, закинутая в 1900 год из 1953-го. Страстное желание завершить незаконченные дела, высказанное на смертном одре, привело к внезапному пространственно-временному катаклизму, и сознание красного императора оказалось отброшенным на полвека назад. Приняв вызов и смирившись с выкрутасами мироздания, он решил сполна использовать столь оригинальным образом представившийся шанс предотвратить разрушение государства и массовую гражданскую войну, восстановить социальную справедливость и решить проблему узурпации власти идеологическими клерикалами.

Все вышеописанные обстоятельства император помнил, учитывал и принимал во внимание, с любопытством осматривая пригороды Нюрнберга, где была назначена неофициальная встреча с кайзером Германии Вильгельмом II. На randevу именно в этом городе настоял он сам, удивив немецкую сторону своим выбором. Символизм имеет значение, и хотя император в прошлой жизни был материалистом до мозга костей, тем не менее считал, что в этом городе стены будут помогать не только германской делегации. Император вез предложения, от которых кайзер отказаться точно не сможет. Шахматные политические доски были тщательно подготовлены. Фигуры расставлены. Император намеревался в этой партии играть белыми.

Нюрнберг. Январь 1901 года

Швейцарский правовед Карл Хилти на рубеже веков иронизировал, что немцы любят завершать свои жалобы на нервозность словами Бисмарка: «Мы, немцы, боимся Бога, но кроме Него – ничего на свете». Сарказм немецкоязычного ученого состоял в том, что как раз Бога немцы не боятся, зато им страшно от многого другого, «а это и образует одну из главных причин неврастения». Нервозность под маской педантичности – чисто немецкое изобретение! Невролог Франц Виндшейд отмечал: «чувство, что не успеваешь что-то доделать» – «один из наиглавнейших источников» немецкой «профессиональной нервозности». Правда, так было не всегда. Психиатр Ганс Бюргер-Принц хроническую боязнь не успеть выполнить повседневные задачи, не справиться или сделать что-то неверно назвал массовым явлением эпохи модерна.

Всеми виной, конечно, была Англия. «И удовлетворенность ушла из этого мира», – лаконично комментировал один экономист начало индустриальной революции. Не случайно в XVIII веке нервные расстройства нового типа фиксировались как «английская болезнь».

В полном соответствии с императивом Бенджамина Франклина «время – деньги» уже вторая половина XVIII века характеризовалась стремлением к экономии времени. Предпосылка для модерновой суеты и спешки в принципе уже была. Стимуляторы той эпохи – кофе и чай, противодействовавшие естественному чувству усталости, – бурно распространялись и обсуждались. Знаменитый голландский врач Бонтеку рекомендовал своим пациентам выпивать до 200 чашек чаю ежедневно, что в целом шло на «ура», пока его не разоблачили как наемника Ост-Индской компании.

Главный социолог модерна Георг Зиммель в «Философии денег» дал классическое определение ментальных последствий монетаризации, затронув самый центр мира нервов. Он описывал, как деньги ускоряют «темп жизни» и производят вечный непокой, метание между множеством разнообразных желаний.

Ярчайшую иллюстрацию выводов всех вышеупомянутых психологов, неврологов, экономистов и социологов представлял собой кайзер Вильгельм II.

«На всех крестинах он стремился быть крестным отцом, на каждой свадьбе – женихом, на любых похоронах – покойником», – злословили о последнем немецком кайзере современники. Порой эксцентричные выходки правителя, страдавшего комплексом неполноценности из-за поврежденной при рождении и полупарализованной левой руки, заставляли многих усомниться в его психической нормальности. Самовлюбленный и суетливый, любитель театральных поз и напыщенных речей, Вильгельм всегда стремился играть главную роль. По этой причине еще молодой монарх поссорился с канцлером Отто фон Бисмарком, который не терпел вмешательства в свою политику и в результате ушел в отставку.

Государственными делами кайзер занимался мало и всегда плохо. Ума небольшого и неглубокого, хотя и быстрого, образования поверхностного, конечно, не могло хватить на все бесчисленные прожекты Вильгельма. Он заменял все эти качества дилетантским апломбом, самоуверенностью, с которой рассуждал и о живописи, и о музыке, и о востоковедении, и о Библии, и об архитектуре, и об истории, и вообще о чем угодно. На настоящую умственную

работу, на серьезные, сколько-нибудь длительные усилия мысли его способностей не хватало. Он был суетлив, но совсем не прилежен. Его близких серьезно беспокоила явная и всегдашняя лень императора, временами полная неспособность ни к какому усидчивому труду, болтливость и нежелание прослушать доклад до конца, не перебивая докладчика.

Самохвальство, тщеславие и связанную с этими чертами лживость первой заметила в нем его мать, а потом и многие другие, кто с ним сталкивался. Все его провокационные высказывания, волновавшие и раздражавшие Европу в течение всего царствования, заявления, что нужно порох держать сухим, воинственное бряцание оружием – все это Вильгельм пускал в ход именно тогда, когда Германии ровным счетом ничего не грозило. Самую неистовую речь он произнес, отправляя войска в совершенно безопасную для них экспедицию в Китай в 1900 году, где немцы действовали вместе со всей Европой против плохо вооруженных и слабых боксерских отрядов. Он потребовал, чтобы солдаты вели себя, как гунны при Атилле. Но когда в самом деле было возможно нарваться на отпор, Вильгельм, при всей словоохотливости, всегда хранил молчание. Его бахвальство кончалось там, где начиналась боязнь за себя. А это состояние жило в нем постоянно.

При выборе вариантов развития политических событий Вильгельм всегда отдавал предпочтение самому крайнему из них, если только ему лично это не создавало опасности: даже в случае незначительного риска он уклонялся от любых решений. Поразительный пример этой склонности характера – отказ от встречи с малолетним сыном, больным пневмонией. Российский император помнил и другой пример из пока еще не состоявшегося для кайзера будущего – его отказ от престола и бегство в нейтральную Голландию при первой угрозе вооруженного нападения на кайзеровскую военную ставку в ноябре 1918 года...

Исходя из всего вышесказанного, Вильгельм был самым удачным собеседником и переговорной стороной для дебюта императора в новом качестве на международной арене.

Встреча состоялась в городской ратуше, куда первой прибыла русская делегация, вынужденная два часа слоняться по залам и слушать занудного бургомистра, взявшего на себя добровольно роль экскурсовода.

– О! Его императорское величество интересуется работами Дюрера? Это очень лестно для нас! А вот как раз экслибрисы...

Гофмаршал наконец подал голос, и царь, кряхтя и морщась, начал натягивать на себя форму офицера Прусского гвардейского гренадерского полка, дарованную кайзером во время последней встречи.

Лесть эта, конечно, была примитивна, как лапти, пряма, как оглобля, но сработала как надо. Вильгельм был польщен и восхищен – на императоре мундир сидел отменно – и сразу же объявил, что обязательно учредит специальный орден за образцово-показательное ношение военной одежды. Настроение кайзера улучшилось еще больше, когда он узнал про жуткие последствия двух покушений, из-за чего кузен Никки страдает частичной амнезией и не может уже так бойко, как раньше, изъясняться на иностранных языках. Вильгельм, имея некоторые природные увечья, вообще относился с ревностью к абсолютно здоровым людям, зато контуженный русский царь, плоходвигающийся, косноязычно говорящий, да, наверно, еще и неважно соображающий, вдохновил кайзера и поднял его самооценку на ступеньку выше. Оценив состояние «клиента», император пошел в наступление без какой-либо предварительной увертюры.

– Я приехал просить совета, Вилли, – заговорщицки понизив голос, сообщил кайзеру император и сразу же перешел на беглый огонь: – Ты на десять лет дольше находишься на престоле, ты опытнее, решительнее и ты, наконец, умнее меня...

С каждым сказанным комплиментом лицо кайзера растягивалось в улыбке, сначала недоверчивой, потом довольной, хотя глаза оставались холодными и внимательными, как льдинки.

– Никки, Никки! Ты, как всегда, мне льстишь, – довольно хохотнул он после короткой паузы. – Так говорят обычно, когда собираются попросить денег. Надеюсь, ты проделал столь долгий путь не для этого?

– Ну что ты, Вилли, для решения денежных вопросов у меня есть Витте.

Министра финансов России Вильгельм тихо недолюбливал за его приверженность французским банкам, а потому заметно поморщился.

– Но думаю, что это ненадолго... – заинтриговал кайзера император.

– Господи, Никки, в чем же провинился этот мужлан? – притворно удивился кайзер, а император отметил, что только что он выиграл еще одно очко в схватке за симпатии этого высокородного хама...

– С некоторых пор я считаю, что хорошее правительство – не то, что лихо делит деньги, а то, что способствует их зарабатыванию, а господин Витте огромный специалист как раз по первой части, – притворно вздохнул император, не сводя глаз с кайзера.

– Дорогой Никки, – Вильгельм сделал максимально участливое выражение лица, – как я тебя понимаю! У меня та же проблема. Наверно, нам нужно одновременно отправить в отставку наших финансистов и принять на работу кого-нибудь из конторы Ротшильдов. Ты так мило беседовал с ним в Баку. Вот они-то точно оставят нас без штанов! – и, не дожидаясь реакции собеседника, довольно захохотал над своей удачной шуткой.

– Да, – легко согласился с кайзером Николай, – но Ротшильд хотя бы не скрывает, что его цель – прибыль. А чиновники постоянно прячутся за удобную вывеску государственных интересов. И главное – с Ротшильдом, дорогой Вилли, я все-таки не советовался, что мне делать, а приехал для этого к тебе...

– Я тронут, – склонил голову кайзер, – искренне ценю твое расположение и готов помочь всем, чем смогу. Так что же беспокоит моего дорогого кузена?

– Мучает проблема выбора, русские расстояния и ужасное распыление и так невеликих ресурсов по бескрайним российским просторам от Кракова до Владивостока. А еще обременяет необходимость играть сразу на двух досках – европейской и дальневосточной. Мне надо выбрать, на какой из них сосредоточиться, – император четко обрисовывал ситуацию, пристально посматривая на кайзера. Тот слушал все внимательнее. – Меня раздрают на части. Одни говорят – надо строить флот и крепости на Балтике, другие – что все это должно быть на Дальнем Востоке. Ноги разъезжаются!

Император посмотрел на кайзера как можно более жалобно и, потупившись, как школьник, прогулявший уроки, продолжил обиженным голосом:

– Я же вижу: если пытаться успеть и там, и здесь – не получится нигде. Не хватит людей и ресурсов. Денег, кстати, тоже. Хорошо можно сделать только где-то в одном месте, – акцентировал император последние слова и исподлобья посмотрел на кайзера. Тот сидел с открытыми глазами и таким же ртом. Вся его поза и выражение лица были исполнены ожидания и требовали продолжения.

– Но есть существенное обстоятельство! – воскликнул русский монарх с гамлетовской интонацией. – Там, на Востоке, я один и вокруг только враги – Япония, Китай, Англия, Америка... А тут у меня есть ты, Вилли, мой старый друг, не раз доказавший, что выше пошлых интриг и подлых ударов в спину! Все доступные мне средства я хочу перебросить на Восток и прошу тебя мне в этом помочь! Перед самым выездом я принял решение о замораживании строительства военно-морской базы и крепости в Либаве¹ и отменил возвращение на Балтику эскадры Чухнина²...

---

¹ Крепость и порт в Либаве изначально был аферой – строить порт и большую морскую крепость в Либаве или, скажем, в Виндаве было заведомой глупостью. Ведь в ходе любого военного конфликта, что с Англией, что с Германией, неприятельский флот неизбежно блокирует Датские проливы, и ни один русский корабль ни при каких условиях не прорвется в океан. Но для отвлечения средств от Порт-Артура и как инструмент казнокрадства она работала идеально. В 1909 году была закрыта как

Император замолчал, любуясь произведенным эффектом. Судя по выражению лица кайзера, он сейчас физически ощущал, как ему в уши вливается елей. То, чего Вильгельм так страстно желал, на его глазах становилось явью.

– Вилли! Надеюсь, я могу положиться на тебя, как на своего лучшего друга, который всегда прикроет спину? – с нажимом произнес император.

– Да-да, Никки, конечно! – наконец пришел в себя и засуетился кайзер. – Всецело можешь на меня рассчитывать! Ты принял очень правильное и своевременное решение! Действительно, эти макаки обнаглели сверх меры, а бабушка Викки, царствие ей небесное, разбаловала их до крайней степени. Я полностью согласен с тобой. Там надо держать сильную армию и боеспособный флот. Я готов тебе в этом помочь! Германия будет для тебя самым надежным и самым спокойным тылом!..

– Вот! – император удовлетворенно потер руки. – Это именно те слова, которые я хотел от тебя услышать, Вилли! Как я рад, что не ошибся! Ты снял у меня с души один камень, а это так важно!

– Один? – удивленно поднял брови Вильгельм. – Только один? А сколько их у тебя там? Я готов снять все!

«Ну вот и все, наркоз подействовал, пациент потерял связь с реальностью, – подумал про себя император, – пора приступать к операции».

– Второй камень, а точнее – заноза, это Польша, – сказал он вслух и выложил на стол свежую карту: – Оставлять польский вопрос нерешенным – значит постоянно ждать удара в спину...

– И как ты собираешься его решить? – кайзер заметно напрягся, в голове моментально всплыл пример «умиротворения» армян турецким султаном.

– Польшу надо объединять! – уверенно заявил царь. – Разделенная – она опасна, объединенная – будет спокойна и счастлива.

От природы слегка навывкате, глаза кайзера начали жить отдельной жизнью. От интенсивной работы мысли напряглись вены на висках и покраснели уши. Казалось, еще минута, и над редющей прусской прической начнет куриться легкий дымок. Насладившись произведенным эффектом, русский император закинул в уши врага главную информационную гранату:

– Как ты смотришь на то, Вилли, чтобы объединить Польшу под твоей рукой? – вкрадчиво спросил он, взяв карандаш. – Например, вот так, – начертил аккуратную линию по границам Виленской и Гродненской губерний, срезав польский «балкон» и вопросительно заглянув в глаза кайзеру. – И мне будет спокойно – не придется держать целую армию для гонористых шляхтичей, и им хорошо – они уже почти сто лет страдают. Да и твоя империя только прирастет...

Вильгельм не верил своим ушам. Еще утром он подписал предварительный план развертывания на случай войны с Россией, где Польша была первой естественной целью. Умница Шлиффен удалился считать потребное количество войск-патронов-снарядов, необходимых для отсечения этой территории от России. Цифры выходили пугающие. Тайная полиция усердно подкармливала польских сепаратистов самого разного толка, присылая неудобоваримые счета. Не меньшие ресурсы сжирали террористы, готовившие ряд «революционных эксов» в Привисленских губерниях. И вдруг этот недоумок Никки предлагает отдать часть сладкого пирожка без всякой войны. Сам! Нет, все-таки его изрядно приложило в Баку! Надо успеть

бесперспективная. Более подробно см.: https://nvo.ng.ru/history/2017-03-10/14_939_libava.html

² В декабре 1901 года Порт-Артур покинул отряд контр-адмирала Г.П. Чухнина. На Балтику для ремонта и модернизации ушли эскадренные броненосцы «Сисой Великий», «Наварин», крейсера «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Адмирал Корнилов». Четыре из пяти этих кораблей погибли потом при Цусиме. Естественно, никакой модернизации эти корабли так и не прошли – под нее не были запланированы ни мощности, ни финансирование, да и планы модернизации не были доработаны. А Порт-Артур лишился двух броненосцев, трех крейсеров 1-го ранга и опытного, эффективного адмирала.

воспользоваться таким скорбным состоянием кузена. Брать немедленно все, что он отдает, остальное будет должен...

Все эти бурные эмоции так явно отражались на нервном лице кайзера, что император удовлетворенно про себя хмыкнул – рыбка заглотила наживку, пора подсекать!

– И все же у любого хорошего плана есть несколько «но», – вздохнул Николай, – сейчас Царство Польское – это крупнейший индустриальный и транспортный узел, сотни тысяч квалифицированных рабочих, тысячи предприятий, домбровский уголь, товаров на полмиллиона рублей в год... Изъяв из народного хозяйства этот кирпичик, мы обрушим все бюджетные стены, и от банкротства меня уже ничего не спасет...

– И как помочь моему любимому кузену? – небрежно спросил Вильгельм, уже представивший себя въезжающим на белом коне в Варшаву. – Говори, что тебе нужно? Где мой секретарь? Сейчас составим реестр.

– Мемель, Вилли, – проникновенно произнес император, – меня спасут Мемельский порт, Марианские острова³ и твои концерны, точнее, их филиалы в России. Вот полный список того, что необходимо построить.

Кайзер небрежно посмотрел на лист – в глазах рябило от названий предприятий, которые русский монарх захотел получить в качестве компенсации. Кроме ожидаемых Круппа и Тиссена во всем многообразии были представлены химические концерны, предмет гордости всей Германии – BASF, «Bayer и Hoechst», а также пять небольших фирм, производящих почти 90 процентов мировых поставок красителей. В истории рейха еще никогда не было такого аккордного заказа на поставку «под ключ» целых предприятий, да еще с сопутствующей инфраструктурой.

«Пожалуй, для выполнения пожеланий кузена придется отменить негласное эмбарго на вывоз химического оборудования за рубеж и приостановить строительство предприятий в самой Германии», – шевельнулась где-то в животе кайзера холодная противная жаба.

– Ты сказал – Мемель? – вслух произнес Вильгельм. – Это невозможно. Мемель – мой второй порт после Гамбурга, он обходит по грузообороту Данциг и Кенигсберг...

– Да, но девять десятых его грузов – это наш лес, а главный торговый партнер – Англия.

– Но это старинный прусский город...

– Который уже входил в состав России после семилетней войны и был возвращен Пруссии мирно и без каких-либо условий...

– Я немцев на поляков не меняю, – набычился кайзер.

– Опять не получается, – улыбнулся император, – из ста сорока пяти тысяч проживающих в мемельском крае только двадцать тысяч можно отнести к этническим немцам, остальные – местные племена жемайтов и аукштайтов, которых называют летувинками и мемельландерами... Как-то странно ты за них печешься, если даже литовцы-лютеране имеют право стоять только на пороге кирхи, не смея заходить внутрь... А российские остзейские немцы вполне комфортно чувствуют себя, никто их не притесняет... Офицеры русского флота на треть состоят из них. Впрочем, для всех жителей края, как и для русских подданных в Польше, предлагаю предоставить право свободного выбора подданства, включая двойное...

Кайзер напряженно размышлял над плюсами и минусами такого действия. Марианские острова – понятно, имея их, русский монарх ставит свою базу в тылу Японии... Но размен в Европе... Никки хочет отодвинуть границу от своей базы в Либаве... Это тоже ясно... Но отдать второй по величине, коммерчески успешный порт... Отдать немецкие земли... Хотя... Восемь миллионов в Польше против 140 тысяч в Мемеле... Варшава стоит мессы.

– Где собираешься строить заводы? – спросил он вслух.

---

³ До Первой мировой войны в колониальные владения Германии входили: Германская Восточная Африка, Германская Новая Гвинея, Германский Камерун, Германское Самоа, Каролинские острова, Кляйн-Венедиг, Марианские острова.

– Как можно ближе к Дальнему Востоку, – широко улыбнулся царь. – Заводы закладывать будем тут, – и он уверенно обвел овалом Южный Урал и Западную Сибирь, включая еще не существующие Кузбасс и Магнитогорск...

– Кстати, а что ты говорил про сущий пустячок на Востоке?..

– Эта мелочь не будет стоить тебе ни пфеннига, но послужит гарантией серьезности моих и твоих намерений, поэтому предлагаю оформить ее в виде отдельного протокола и пока не афишировать...

* * *

– Иван Дмитриевич, дорогой, ну что ты смотришь на меня прошлогодними глазами? – не выдержал император, глядя на постную физиономию Ратиева, когда все бумаги были подписаны, протокольные слова – сказаны, прощальные салюты – отданы и делегация двинулась в обратный путь.

– Ваше императорское величество, – дрогнувшим голосом подчеркнуто официально ответил князь, – я не собираюсь препятствовать вашему волеизъявлению, а посему не хотел бы комментировать подписанные вами с кайзером соглашения...

– Даже если я буду настаивать? – смешливо прищурился император.

– В таком случае, – еще больше нахохлился Ратиев, – я позволю себе привести слова вашего предка – Николая Первого: «Где раз поднят русский флаг, там он уже спускаться не должен».

– Хорошие слова, – кивнул император, – правильные. Но как быть тогда с сыном этого предка, который спустил русский флаг на Аляске и в Форт-Россе в Калифорнии? Объявить государственным преступником? Или все-таки признать, что императивы в политике и на войне крайне опасны, ибо делают позицию одной из сторон прогнозируемой и уязвимой. Вы ведь военный человек, Иван Дмитриевич, и знаете, какой это подарок – абсолютно предсказуемый противник, не так ли?

– Так это на войне...

– А мы и есть на войне. То, что вы видели – ее невидимая часть, рекогносцировка местности, выбор диспозиции и прочие манёвры, всегда начинающиеся задолго до того, как заговорят пушки.

– И что же у нас с вами за диспозиция, оправдывающая именно такие манёвры? – уже открыто дерзил Ратиев.

– Плохая диспозиция, – не обращая внимания на тон князя, вздохнул император, – крайне неудачная для начала военной кампании. Польша в нынешнем ее состоянии, несмотря на индустриальную развитость и образованность, не усиливает, а наоборот – ослабляет государство. Польша и Финляндия всегда обладали такими правами и привилегиями, которых нет ни у одной другой провинции. И тем не менее шляхта постоянно бунтовала, а сепаратизм только усиливался. Сейчас к нему добавился еще один, очень специфический – национал-социализм, им инфицированы все левые движения – Польская социалистическая партия, Социал-демократия Царства Польского и Литвы, Национально-демократическая партия, куда вошли махровые националисты – «Лига Народова». Германия, Франция, Англия и Австро-Венгрия постоянно тревожат это гнездо польского национализма, укрывая у себя бунтовщиков и щедро подпитывая деньгами социалистов-террористов. Царство Польское сегодня – это троянский конь, стоящий внутри русской крепости, и наша задача – как-то попытаться использовать его в мирных целях...

– И вы решили... – начал Ратиев.

– Я решил продать этого троянского конька-горбунка, – закончил за него император, – под самым благовидным предлогом – под маркой воссоединения единого польского народа.

Кто из националистов будет против единения польской нации? Они же так его добивались! И теперь в это булькающее, испускающее миазмы болото на всем скаку влетит прусская администрация. Предполагаю, что этот «подарок» Германия будет переваривать не один год... А значит, в это время она не создаст проблем нам. Кроме того, Австро-Венгрия не захочет отдавать свою часть Польши «для воссоединения польской нации», чем огорчит кайзера, уже примерившего тогу объединителя поляков, и тем самым возмутит польских националистов. Наступит прогнозируемое обострение отношений между этими странами. Это не все... За кусок, скажем прямо, вражеской территории Германия должна поставить нам три десятка остро необходимых предприятий, большая часть которых – это заводы по производству заводов. Представьте, Иван Дмитриевич, сегодня мы заложили основу отечественной химической промышленности.

Ратиев смотрел все еще угрюмо, но уже без первоначальной демонстративной отстраненности. Его прямое, как шпага, офицерское сознание никак не могло смириться с двойным и даже тройным дном в этих политических комбинациях.

– Ну и последнее, – усталым, глуховатым голосом продолжил император, – каждый завод, построенный немцами у нас, они не построят у себя. А это тоже ослабление противника, схватка с которым неизбежна...

– Мы будем воевать с Германией?

– Очень не хотелось бы, но, скорее всего, придется. Россия слишком велика, чтобы соседи оставили ее в покое. Так что наша задача – максимально усилиться самим и не дать это сделать противнику, исключив неоправданные риски. И в связи с этим меня интересует, как дела у группы Герарди, отправленной в гости к этому Фальку?

– Завтра узнаем, – взглянув на часы, ответил Ратиев. – Честно говоря, я был уверен, что Фальк – это наша единственная причина путешествия в Германию.

– Полноте, Иван Дмитриевич. Как человечество изобрело правителей, так сразу же появились желающие их уничтожить. И количество богоугодных дел никак не влияет на численность заговорщиков. Относиться к этому надо философски и всегда помнить – власть нужна не для того, чтобы построить рай, а для того, чтобы на земле не воцарился ад.

Визит к Фальку

Любимая внучка королевы Виктории Аликс пользовалась ее особым расположением, включая право входить к бабушке без предварительного доклада. Бабушка не только не сердилась, но даже поощряла желание юной леди посидеть в ее кресле, а со временем и поучаствовать в какой-нибудь совместной работе, например, разобрать корреспонденцию. Именно тогда любознательная девочка впервые увидела письма с пометкой «Фальк» и услышала историю, которой сначала не придавала вообще никакого значения.

Августу, внучку императора Павла I, выдали замуж за Вильгельма I Прусского, младшего брата императрицы Александры Федоровны – жены Николая I. При этом монарх Пруссии Фридрих II в обстановке почти полного завоевания страны Наполеоном очень долго носился с идеей передачи правления своей дочери Александре и ее жениху Николаю – на тот момент лишь третьему принцу. Не получилось, а то бы уже с XVIII века Пруссия украсила корону Российской империи.

Собственный прусский наследник, будущий Вильгельм I, обиженный таким пренебрежительным отношением папеньки к собственной персоне, перенес эту обиду на всю Россию и царствующую династию в целом. Потом все это наложилось на амбиции юной Августы, которая искренне верила, что Николай I – это вовсе не Романов, а плод адюльтера Марии Федоровны и Кристофера Бенкендорфа, и поэтому Николай I и все его присные – узурпаторы, не имеющие никакого права на русский престол.

Августа, сперва королева Пруссии, а позже императрица единой Германии, считая себя законной наследницей русского престола, вполне серьезно требовала от своих подданных приносить ей присягу как правопреемнице короны Российской империи и жаждала безусловного истребления как всего потомства Николая Романова, так и вообще всей русской элиты, «погубившей истинных русских царей Петра III и Павла I».

Королева учредила особый фонд, из которого она обещала выплачивать по тридцать тысяч марок – позже рейхсмарок – за голову каждого из семейства Романовых. Выплаты были обещаны как непосредственным убийцам, так и любым их наследникам, ибо молчаливо предполагалось, что собственно убийца любого из Романовых до Пруссии доберется вряд ли.

Создавая свое детище, Августа исходила из убеждения, что «все русские – это сволочи и предатели, погубившие законных государей», и потому сыскать среди них продажного иуду будет легко. Именно ради этого и был учрежден фонд Августы. Соответственно, возникло предположение, что достаточно поманить русских увесистым денежным призом, и все получится. В теории королевы Пруссии было две фазы: сперва русские дворяне, будучи иудами, истребляют Романовых, а потом немецкое дворянство должно истребить всех русских дворян как природных изменников.

Впервые указанные тридцать тысяч марок были выплачены личному врачу Николая Александровича – старшего сына Александра II, умершего неожиданно во время подготовки к венчанию на Дагмаре Датской, а сам врач стремительно покинул земли Российской империи и предпочел дальше жить где-то в Европе инкогнито – его так в итоге и не нашли. Вторая выплата была кузине бомбиста Русакова, принимавшего участие в убийстве Александра II. Но ей деньги не шибко понадобились. Она почему-то померла средь Берлина в течение недели после указанной выплаты.

Целая череда терактов в России прервалась только со смертью Августы. Стоило бабушке умереть, как в России нигилисты-бомбисты разучились метать бомбы в царей и великих князей...

Всю эту историю Аликс воспринимала как дела давно минувших дней, никоим образом ее не касающиеся. Она вообще не особо интересовалась политикой, пока политика не заинте-

ресовалась ею самой. Первый раз новоиспеченная императрица почувствовала ее безжалостный холодок во время визита в Санкт-Петербург наследника британской короны, старшего сына королевы Виктории – Эдуарда, когда этот компанейский парень заявил на семейном завтраке, что ее муж Николай – просто вылитый Павел I.

А потом была Ливадия, где она по-настоящему испугалась, поняв, что недомогание ее мужа – это никакой не тиф... Вспомнила реплику Эдуарда про сходство Никки с убиенным императором, вспомнила, что собственный муж Августы, процарствовав всего 99 дней, умер так же скоропостижно от той же болезни, что и несчастный сын Александра I – тоже Николай... А когда, вернувшись в Царское Село, она услышала от Марии Федоровны имя «Фальк», перед глазами сразу предстали надписи на конвертах...

Для императора вся эта история была не больше, чем досадная помеха. В происки сумасшедших прусских правительниц и даже в официальный берлинский след дворцовых интриг он не верил. Беда германского руководства эпохи Фридриха-Вильгельма заключалась в отсутствии законченной модели действий на территории врага, которая имела у Британии. Обезьянничанье с террором против правящей элиты, будь оно немецким, не опиралось бы на политические силы внутри атакуемой страны.

В начале XX века немецкая дипломатия и разведка не обладали в России даже бледным подобием того влияния, которое имелось у Франции и Англии. Не было лобби, «агентов влияния», какой бы то ни было организованной пропаганды со стороны как российских немцев, так и самой Германии – ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего прогерманскую политическую партию или прогерманскую линию в средствах массовой информации. Немецкие дипломаты не прилагали ни малейших усилий, чтобы работать в связке со своими же коммерсантами, ведущими дела в России, и совершенно не интересовались их деятельностью. Один из генеральных консулов писал: «Официальные представители в России находятся в весьма сложном положении, будучи практически не способными похлопотать за того или иного германского претендента». В таких условиях ликвидировать Романовых – значит играть за Англию, подготовившую сразу два плана развития «сюжета» – парламентский, с опорой на Витте, и монархический, с упором на великих князей Александровичей. При любом из этих вариантов Россия пристраивается в фарватер к Британии, а Германия начинает готовиться к войне на два фронта.

Мнение Аликс, что под именем Фальк скрывается официальный кайзеровский фонд, император считал необоснованным. А вот в переписку прусской королевы с Викторией и возможность манипулирования социально-активной, но душевно-нестабильной императрицей Германии более квалифицированной английской коллегой верил безоговорочно – такие комбинации вполне соответствовали британской традиции. Поэтому визит к Вильгельму II он решил совместить с прогулкой небольшой разведгруппы под командой поручика Герарди в Потсдам – в резиденцию бабушки Вильгельма...

В Берлине, во время стоянки императорского поезда, из последнего вагона тихо, незаметно вышли четверо импозантных мужчин и направились по отдельному маршруту с заданием – узнать все возможное о «фонде Августы», найти его и, если он работает, предложить свои услуги, завязать связи и постараться добыть хоть какие-то доказательства идентичности Фонда и Фалька.

Проблема была в том, что в распоряжении царя не было никого похожего на специально подготовленных разведчиков-диверсантов. Как он помнил со слов Алексея Игнатьева из той, прошлой жизни, «...адам организации разведки в Николаевской военной академии офицеров не учили. Разведка считалась делом грязным, недостойным дворянина и предназначенным только для сыщиков, переодетых жандармов и подобных им темных личностей». Но ни тех, ни других также не учили работе под прикрытием, проникновению на охраняемые объекты, похищению документов и людей. Поэтому при необходимости провести какую-либо операцию собирали группу, руководствуясь личными симпатиями руководителя либо конкретными

требованиями к подбору кандидатов, оказавшихся пригодными. «Первыми попавшимися» на этот раз оказались поручик Герарди, как известный жандармский полиглот, вездесущий Александр Гучков, учившийся за границей аж в трех университетах – Берлинском, Венском и Гейдельбергском – и поэтому чувствующий себя в этой местности почти как дома, корнет Щетинин, чьи старания по выявлению фальшивых дворян существенно подняли его ставки в глазах императора, и криминалист Аркадий Францевич Кошко. Задача последнего заключалась в присмотре за молодыми и горячими, чтобы в ходе выполнения поручения они не влезли в какой-нибудь криминал и не наследили, и дополнительно – в обеспечении обратного перехода границы в непредвиденном случае за счет неформальных связей сыщика с контрабандистами. Категорический запрет во избежание утечки информации и привлечения лишнего внимания пользоваться официальными дипломатическими службами добавлял перчику и щекотал нервы. Поэтому к выполнению задания путешественники приступили слегка встревоженными.

В Потсдаме все сразу пошло не по плану. Оказалось, что Августой зовут не только бабушку и супругу действующего кайзера. Кроме них среди местной аристократии присутствовало не менее пяти высокородных Август, каждая из которых занималась благотворительностью и у каждой было не по одной душевспасительной конторе. Адрес, предоставленный группе, привел как раз в одну из таких богаделен, не имеющей никакого отношения к бабушке Вильгельма II.

– Ну что, господа? – озадаченно потирая переносицу, спросил Герарди спутников, когда они уселись в ближайшем кнайпе и обзавелись кувшином свежего местного пива. – Как будем выполнять поручение? Попросим справку в резиденции кайзера?

– Эх, молодежь! – вздохнул Кошко. – Для того чтобы получить информацию о нужном адресе, требуется определить самое информированное лицо в городе. А таковыми во все времена были извозчики. Вы сидите, а я пойду, так и быть, покажу вам, как надо работать...

Не прошло и полчаса, как вся честная компания катила в закрытом тарантасе по тихим зимним улицам в поисках «кузины», оставившей название конторы, где ее можно найти, но не приложившей точного адреса. Извозчик со звучным именем Дитрих, обрадованный арендой своего транспортного средства на весь день с обязательством кормить и поить его и лошадь, пообещав провезти по всем благотворительным заведениям, мурлыкал что-то под нос, управляя одной левой, а правой ощупывая бонус – плоскую жестяную бутылку шнапса, презентованную запасливым Кошко, ибо холодно. После посещения четвертого адреса бутылка закончилась... Вместе с ней закончился и кучер.

Вышедших из очередной конторы путешественников встретил осиротевший облучок и Дитрих, удобно устроившийся в тарантасе и прочно перешедший в категорию багажа.

– Сегодня нам определенно не везет с транспортом, – тяжело облокотился на крыло повозки Гучков.

– Надо хотя бы узнать следующий адрес, – с отвращением глядя на безмятежное лицо ямщика, скривился Герарди.

– Он лопотал что-то вроде Александр, – предположил Кошко, – может, Александрплатц?

– Кажется, я знаю, что он имел в виду, – кивнул Гучков. – Ну-ка, господа, помогите оседлать место кучера, дальше я повезу. Думаю, нам нужна Александровка...

– Александровка? – удивился Герарди.

– Да, поручик, русская колония в Потсдаме аккурат рядом с Сан-Суси, построена Фридрихом в память о своем друге императоре Александре Первом. До нее мы доедем, но если ничего не найдем, придется возвращаться несолоно хлебавши.

– Ну конечно же, русская колония! – хлопнул себя по лбу Герарди. – Если хочешь спрятать деревья, делай это в лесу. Поехали!

Русская колония была создана по желанию Фридриха III в память об умершем друге – царе Александре I. Она состояла из дома смотрителя и двенадцати маленьких усадеб, располо-

женных в форме Андреевского флага, а также капеллы на прилежащем холме с примыкающим флигелем церковного старосты, высокопарно называемым Королевской Усадьбой, потому что в нем любил гостевать сам кайзер и баловаться русским иван-чаем, заготовленным для него по специальному рецепту. Изначально чисто русская, к началу XX века колония сильно онемечилась, но пока еще сохраняла славянский экстерьер, поэтому путешественникам показалось, будто они из Германии разом перенеслись куда-то в Подмосковье.

Утомленная лошадка понуро брела мимо кукольных домиков с резными наличниками, а разведчики напряженно вглядывались в окна, пытаясь угадать, за каким из них находится искомая контора. Отличие жилого помещения от служебного во все времена легко обнаруживается по утвари, находящейся во дворе, и наличию-отсутствию гирлянд постиранного белья в самых неожиданных местах.

– Кажется, приехали, – подал голос с места кучера Гучков.

– Точно приехали, – подтвердил Кошко, озираясь по сторонам. – Ну что, командир, разрешите приступить?

Герарди коротко кивнул, не переставая осматривать окрестности. Дом стоял очень удачно, в самом конце аллеи, поэтому отсюда были видны все передвижения в колонии.

– Закрыто и никого, – доложил Щетинин, подергав дверную ручку и постучав набалдашником трости по косяку. – Наверно, сегодня просто не наш день.

Кошко подошел поближе к Герарди и тихо произнес:

– Я, конечно, не специалист, но кое-чему научился у своих подопечных из мира лихих людей. Замок плевый. Могу попробовать...

– А, была не была, Аркадий Францевич, валяйте, – махнул рукой Герарди, – больно не хочется с пустыми руками возвращаться, а тут хоть какая-то надежда.

– Позвольте, господа, – возмутился Щетинин, – но это же незаконно! Скандал!

– А мы никому не скажем, – улыбнулся, свесившись с облучка, Гучков.

– Но замок? – не успокаивался корнет.

– Да не было там никакого замка, – улыбнулся Кошко, уже покручивая дужку в своих лапищах. – Так, только видимость. Одним словом – милости прошу, господа...

– Князь, – обратился Герарди к корнету уже официальным тоном, – щадя вашу шепетильность, предлагаю прогуляться до дома смотрителя, рассказать ему нашу легенду об искомой кухне, попросить помощи... ну и вообще – занять разговором, чтобы он какое-то время сюда не совался.

* * *

Контора находилась в приличном и совсем не заброшенном состоянии.

– Не далее как вчера здесь тщательно убрали, – констатировал Кошко, проведя пальцем по крышке бюро.

– И не только пыль, – продолжил Герарди, вороша клюкой в печи, – последний раз топили явно бумагой – пачка даже в золу не рассыпалась...

– При этом хозяева не торопились, все аккуратно сложено. Никаких следов спешки, – заключил Кошко.

– Александр Иванович, – обратился Герарди к Гучко, – посидите, пожалуйста, тут, поизображайте местного клерка, заодно поизучайте содержимое ящиков, а мы с Аркадием Францевичем прогуляемся по остальным помещениям.

Из-под массивного конторского стола, куда Гучков залез в поисках какой-либо случайно оброненной или забытой бумажки, его вытащил настойчивый стук в дверь. На пороге стоял молодой франт, одетый по последней парижской моде, явно не клерк и не коммивояжер, которого можно было бы представить служащим в этой скромной конторе. Редкая пока еще

бородка клинышком плохо сочеталась с гусарскими, закрученными вверх усами, а учтивое выражение лица – с холодными серыми глазами, глядящими поверх собеседника.

– Простите за вторжение, – на прекрасном немецком, с легким акцентом произнес незнакомец, насмешливо оглядев помятого и замызганного Гучкова, – я без предварительного доклада ввиду срочного дела. Когда бы я мог увидеть господина Вюртсшафтпруфера?

– Да-да, конечно, – автоматически кивнул Гучков, мучительно соображая, как в таких случаях полагается себя вести, – а как вас представить?

– О! Не утруждайтесь, – махнул тростью гость, усаживаясь в кресло. – Просто доложите, что прибыл гонец со срочным сообщением от Фалька... А вы, судя по акценту, тоже не здешний? Польша? Соратник пана Пилсудского? Угадал?

– Господи, какая встреча! – раздался неожиданно над ухом Гучкова торжествующий голос Герарди. – Князь Оболенский, флигель-адъютант его величества собственной персоной! Вот уж никак не ожидал вас здесь увидеть!

Оболенский вскочил, как будто внутри его разжалась пружина, лицо моментально стало пунцовым, а пальцы, сжимающие набалдашник трости, побелели от напряжения.

– Спокойно, господин капитан, спокойно, – уже другим, металлическим тоном прозвучали слова жандарма, мягким, приставным шагом перемещающегося ближе к князю и держащего на уровне пояса крошечный браунинг. – Зачем нам здесь, в таком тихом месте, скандал? Ну так, что хотел поведать господину Вюртсшафтпруферу герр Фальк?

– Господа, вы меня неправильно поняли, – натужно улыбнулся Оболенский, на лбу у него моментально выступила испарина, – это была шутка. Я со специальной миссией его величества отправлен в Данию к полковнику Мадсену.

– Ну да, ну да, – охотно согласился Герарди, – а в Потсдам заехал, спросить, как быстрее добраться до Копенгагена...

– Вы мне не тыкайте, господин жандарм! – с вызовом бросил Оболенский. – Вы мне не ровня!

– Да где уж нам, – ухмыльнулся поручик. – О! А вот и корнет возвращается! Сейчас с вами будет беседовать тот, чей титул вполне сопоставим с вашим. Надеюсь, что...

Это было последнее, что успел сказать Герарди. Воспользовавшись тем, что он перевел взгляд на окно и на мгновение потерял бдительность, Оболенский нанес поручику молниеносный удар тростью в солнечное сплетение, а вторым движением швырнул ее в Гучкова. Спрятавшись под стол от летящего предмета, Александр услышал грохот распахивающейся настежь двери.

– Корнет! Задержать! – сдавленный хрип Герарди перекрыл звуки сухих, как треск ломающихся деревьев, выстрелов...

– Князь, вы меня разочаровали...

Щетинин виновато развел руками.

– Все произошло слишком быстро! Сначала грохот дверей, потом он мчится прямо на меня, и через мгновение я сам уже лечу кувырком и слышу ваш голос: «Стрелять!» Ну и высадил всю обойму в белый свет, как в копеечку, не успев даже приземлиться...

– Задержать, корнет, – раздраженно поправил Герарди, – я просил его задержать!

– Простите, Борис Андреич, – вмешался Гучков, – но ваш хрип после удара можно было понять как угодно. Я лично разобрал только «...ать!».

Герарди обреченно махнул рукой.

– Что будем делать?

– А не кажется ли вам, господа, что главное мы уже сделали, – предложил свой вариант произошедшего Кошко. – Во-первых, подтвердили, что заговор существует, во-вторых, нашли штаб-квартиру заговорщиков, встретили и опознали одного из них и, в-третьих, узнали нечто важное – в комплот вовлечены весьма влиятельные персоны, стоящие у престола, – Оболен-

ский один из них, а главное – Фальк находится не в Германии, а в России. А вот кто это – можно только догадываться. Ни одной ниточки к нему у нас нет...

– Да, – задумчиво произнес Герарди, – как вода сквозь пальцы... Кстати, князь, при вас смотритель не упоминал, случайно, фамилию Вюртсшафтпруфер?

– Боюсь, Борис Андреевич, что это не фамилия, а должность. По-русски просто ревизор...

– Тупик...

* * *

Когда поезд «Берлин—Санкт-Петербург» подкатил к государственной границе, разведчики, скинувшие напряжение последних дней, позволили себе расслабиться, тем более что роскошный салон первого класса вполне к этому располагал⁴. Особенно, когда чай с коньяком понемногу превращается в коньяк с чаем...

– Когда мы стояли лагерем под Ледисмитом, – рассказывал Гучков заплетающимся языком, так как лимит выпитого превысил отметку «вам на сегодня хватит!», – местные жители приносили в дар духам на алтарь, расположенный недалеко от нашей части, разные вещи. В основном еду. Почти каждый день...

– И местные жители думали, что духи будут ее есть?

– Так духи и ели...

– Господа, тише! – шипел на расшалившихся офицеров Кошко. – Вы нас демаскируете.

– Почему? – делал брови домиком Герарди. – Мы же говорим по-немецки!

– Да, но материтесь-то вы по-русски! – вздыхал непьющий сыщик.

– Господа, – подал голос Щетинин, когда Гучков начал с подозрением осматривать салон в поисках тех, кто не любит буров, – а не соизволите ли прогуляться в купе? Я хотел бы предложить партию в вист!

– Ну как не уважить человека после такого витиеватого приглашения? – покорно кивнул командир группы.

– Только, если можно, бегом, – прошипел на ухо кутилам Кошко.

– Всемиловейший государь, – заметил Гучков, – мы – контуженые. Посему высочайшей милостью от бега освобождены. Правда, милорд?

– Зрите в корень, ваше сиятельство, – еще раз кивнул Герарди.

– Тогда ползком, но только быстро! – подхватил под руки подопечных Кошко, тревожно оборачиваясь на остальных обитателей вагон-салона, с явным интересом разглядывающих «великолепную четверку».

– Любезный, – притормозил у тамбура командир разведгруппы, – почему так долго стоим? Когда двинем на российскую границу?

– Не могу знать, – пожал плечами проводник, – но думаю, что теперь не скоро...

– А что так? Дрова закончились? – пьяненько прыснул в кулачок Гучков.

– А вы что, не знаете? – удивился проводник. – В России – революция!..

---

⁴ Комфорт поездов в начале XX века был класса «люкс»: «Когда освоишься у себя в купе, можно осмотреться в четырех вагонах, которые на время путешествия превращаются в летучий отель. Перед купе проходит коридор, стены которого украшены зеркалами, а пол покрыт мягкими коврами, и, идя по нему вдоль больших окон, попадаешь в салон. Невозможно поверить, что вагон может содержать в себе такое роскошное помещение! Кресло за креслом следуют с обеих сторон, на заднем плане видно элегантное канапе, две люстры свисают с потолка, а в буфете кипит самовар к чаю».

Госсовет и комплот

Днем ранее

Граф, общественный и государственный деятель, почетный член Императорской Академии, ближайший советник императора Александра I Михаил Михайлович Сперанский (по отцу – Васильев) получил свою фамилию при поступлении во Владимирскую семинарию не случайно. «Sperare» по-латински – надеяться. Государственный совет – главное детище Михаила Михайловича – создавался в полном соответствии с приобретенной фамилией графа и тоже был надеждой – на создание справедливого демократического общества как основы всеобщего процветания и согласия.

Безусловная демократичность Госсовета Российской империи заключалась в том, что его членами могли стать любые лица, вне зависимости от сословной принадлежности, чина, возраста и образования. Предполагалось, что учреждение объединит самых бойких, прогрессивных и профессиональных, без оглядки на происхождение. Прекрасная задумка! Беда была в том, что членов Государственного совета назначал и увольнял император, и только его личное представление о вышеперечисленных качествах имело значение. Добивало хорошую идею то, что за результаты своей работы члены Госсовета не несли вообще ни малейшей ответственности. Не удивительно, что в результате неразборчивой кадровой политики Госсовет очень быстро превратился в синекуру для приближенных к престолу, в этаким элитарный клуб, где можно было ненапряжно порассуждать о политике, экономике и заодно учесть свои собственные, насквозь шкурные интересы.

Однако в морозный зимний день 1901 года Госсовет собирался совсем в другом настроении. События последнего месяца напрочь выбили высших чиновников империи из привычной благодушно-созерцательной колеи. Атмосферу заседания можно было смело использовать для генерации электричества. Последние, пока еще полуофициальные известия из Германии о наличии польской сделки прорвали плотину привычной сдержанности, породили водовороты и цунами, их энергия вот-вот готова была выплеснуться из стен высокого собрания на бескрайние просторы России.

Вот уже сто лет Польша была любимой мозолью империи. Принципиальным отличием от всех других приобретений было достаточно высокое развитие завоеванных территорий, превышающее уровень подавляющего большинства провинций метрополии. Кроме того, своими западными границами польские владения упирались в еще более развитые, а следовательно, более привлекательные, чем в России, немецкие земли.

Естественно, что в таких условиях поляки категорически не хотели становиться русскими, искренне считая их дикарями и варварами, гуннами, разорившими «сверкающий град на холме». И через сто лет после раздела Польши они продолжали относиться к западно-русским землям как к своему достоянию. Территория, которую русские, в свою очередь, воспринимали как колыбель собственной государственности и культуры, была для поляков важнейшим геополитическим трофеем, обеспечившим золотой век Речи Посполитой. Идея восстановления Польши «в границах 1772 года» до всех ее разделов – с восточной границей по линии Смоленск—Киев – прочно владела умами практически всей польской элиты.

Весьма чувствительны были также внешние факторы. Судьба привислинских подданных моментально стала предметом международной политики, определяющим взаимоотношения России с западными соседями. Со времен второго польского восстания и знаменитой речи императора Александра II, призвавшего поляков «оставить мечтания» о возрождении

собственной независимости, польская тема не переставала интересовать правительства других великих держав, ориентирующихся на мировоззрение польской элиты. «Приходится признать, – отмечал секретарь русской миссии в Ватикане Сазонов, – что наша польская политика обуславливалась не одними воспоминаниями о былом соперничестве между Россией и Польшей, оставившем глубокий след на их взаимных отношениях, ни даже горьким опытом польских мятежей, а в значительной мере берлинскими влияниями, которые проявлялись под видом бескорыстных родственных советов и предостережений каждый раз, как германское правительство обнаруживало в Петербурге малейший уклон в сторону примирения с Польшей».

Русская аристократия начала XX века в массе своей находилась под французским или английским влиянием, а в этой среде хорошим тоном было сочувствие к несчастной, страдающей Польше. Герцен «колоколил» о необходимости ликвидации самодержавной власти в России и предоставлении полной независимости территориям бывшей Речи Посполитой не от своего имени, а выражая консолидированное мнение всей западноевропейской элиты, мгновенно забывающей собственные распри, когда дело касалось возможности нагадить России.

Но печальнее было другое – внутри русской элиты не было не только какого-либо плана действий, но даже понимания, а что вообще можно сделать с этим польским чемоданом без ручки? Русская интеллигенция как нельзя лучше отражала элитный разброд и шатания. В работах «придворного историографа» Николая Герасимовича Устрялова, посвященных в том числе и периоду правления Николая I, отстаивалась позиция о необходимости «жесткого обращения» с поляками. Он писал, что сама история доказывает России – от Польши нельзя ожидать ничего, кроме «неблагодарности и предательства». Устрялов и Карамзин очень много говорили о культурной русификации, в частности, о необходимости широкого распространения православия вместо католичества и униатства. Единственное, чего избегал декан историко-филологического факультета Петербургского университета и автор гимназических учебников истории, – конкретных указаний, в чем должно заключаться «жесткое обращение» и каким же таким образом было возможно обеспечить «культурную русификацию».

Такое же «па-де-де» исполняли и оппозиционные славянофилы. В данном случае можно упомянуть Ивана Аксакова. После 1863 года он резко отказался от идей, связанных с польской независимостью. Весь свой авторитет известный славянофил-консерватор направил на открытую поддержку имперского репрессивного курса. Поляки, по его мнению, должны проявить «покорность и верность», «признать необходимость единства верховенства русского государственного начала». Один из главных интеллектуалов своей эпохи требовал растворить поляков в русской массе, иначе они поступят аналогичным образом со славянским населением Украины и Белоруссии. Единственное, чего не указал неистовый Иван Сергеевич, где взять тот самый «растворитель», приводящий поляков в состояние преданности.

А в это время шляхтичи занимались своим привычным делом – барагозили, саботировали, и как только выдавалась возможность – переходили от холодной войны с «русским игом» к горячей. Несколько поляков, в том числе братья Бронислав и Юзеф Пилсудские, вместе с братом Ленина Александром Ульяновым принимали участие в подготовке неудавшегося покушения на Александра III.

Всего на территории привислинских губерний для приведения в покорность местного населения самодержавие было вынуждено постоянно держать трехсоттысячную армейскую группировку – больше, чем будет задействовано в Русско-японской войне.

Естественно, что такая ситуация отражалась на бытовом уровне. Историк-славист Александр Львович Погодин характеризовал отношения русских и поляков в Варшаве как «взаимно раздраженные, полные недоверия и неприязни». Ему вторил Александр Александрович Корнилов, утверждая, что «в русском обществе александровской поры антипольские настроения были отнюдь не редкостью, а в войсках к полякам относились вообще враждебно». Другое

дело, что в высшем обществе от этой проблемы предпочитали отгораживаться, делать вид, как будто ее вообще нет.

Только один человек в империи знал, каким образом можно интегрировать в состав государства территории с более высоким уровнем развития, чем собственные земли метрополии. После победы во Второй мировой войне он провел филигранную операцию по инкорпорации в состав СССР Пруссии во главе с Кенигсбергом, переименованным в Калининград. Опыт «умиротворения» местного населения был настолько впечатляющим, что никаких вопросов о лояльности населения присоединенных территорий впоследствии больше никогда не возникало.

В 1901 году действовать аналогичным образом в привислинских губерниях было абсолютно невозможно. Поэтому император сделал ход конем с предложением сделки для кайзера и Манифеста для собственных подданных. Сочиняя оба текста, он вспоминал слова Айтона, мысленно обращаясь к польскому социуму и германскому императору: «Все будет, как вы хотите, но совсем не так, как вы себе это представляете».

Никаких подробностей соглашения двух монархов и царского Манифеста члены Госсовета не знали, а потому страсти с самого начала закипели нешуточные. На каждый аргумент «за» сохранение привислинских губерний в составе империи во что бы то ни стало следовал немедленный аргумент «против».

– Польша – это великолепный домбровский уголь, – говорили одни.

– Который не годится для корабельных топок, поэтому приходится закупать кардифф, – парировали другие.

– Польша – это почти миллион платежеспособных налогоплательщиков!

– Да, но согласно Органическому статуту царства Польского от 1832 года, собранные налоги остаются в самой Польше...

– Польша – это почти семьсот тысяч потенциальных солдат!

– Хороши потенциальные солдаты, которых в мирное время удерживают от бунта триста тысяч регулярных войск!

– Поляки – верные офицеры империи. Вспомните шесть генералов, казненных мятежниками за отказ изменить присяге и царю!

– А вы вспомните, что казненных мятежниками было только шесть, а изменивших присяге – на порядок больше!..

Спустя час сварливых замечаний и нелюбезных эпитетов выяснились основные противостоящие силы. В лагере, требующем удержать Польшу любыми силами, нарисовалась причудливая эклектика из сторонников жесткой русификации окраин, где первую скрипку играл генерал-губернатор Финляндии, командующий войсками Финляндского военного округа Николай Иванович Бобриков, за его спиной маячил великокняжеский комплот. К ним примыкали панслависты и чиновники, обязанные Царству Польскому своим благополучием и карьерой.

В противоположном лагере, считающем Польшу весьма сомнительным активом и считающем за счастье сбавить ее кайзеру, собралась не менее фантастическая коалиция из остзейских немцев и русских чиновников, требующих национального размежевания на западных окраинах Российской империи и восстановления утраченных русским народом позиций в рамках концепции «Великой России». Самым ярким выразителем этой идеи через несколько лет станет Петр Аркадьевич Столыпин⁵.

---

⁵ Намерение П. А. Столыпина «отделить» Царство Польское не нашло отражения в официальных документах, но было зафиксировано в воспоминаниях близких к нему людей. По словам сына П. А. Столыпина, согласно замыслу его отца, «к Польше должны были быть прирезаны, взамен отторгнутых от нее частей Холмщины, некоторые части Гродненской губернии, населенные поляками. Речь шла о части Вельского и Белостокского уездов. Таким образом, была бы достигнута основная цель размежевания». На 1920 год, свидетельствовал А. П. Столыпин, намечалось даже полное отделение Польши от России.

– Господа! – пробовал примирить враждующих министр иностранных дел граф Ламсдорф, – вопрос польской государственности – это перезревшее яблоко, которое все равно рано или поздно упадет. Это понимают и в Вене, и в Берлине. Кто первый и при каких условиях выступит с инициативой ее восстановления, тот и окажется в глазах польской общественности «рыцарем на белом коне»⁶. Вот о чем идет речь!

Но все было тщетно. Дело уже было не в Польше, а в огромном количестве нежных струн души высшей знати, за которые последний месяц бессовестно дергал император. Польша была очень удобным поводом расплатиться за это презрительное беспокойство. Зафиксировав разногласия, стороны разошлись каждая при своем мнении, чтобы продолжить борьбу в другом месте и другими методами.

Сразу после заседания Госсовета, Владимирский дворец

– То, что вы предлагаете, абсолютно неприемлемо, – бросил на стол бумаги великий князь Владимир Александрович. – Россия может существовать только как самодержавие. Европейский способ правления моментально приведет к разрушению государства. Это дикость – парламентаризм в стране, которая одной ногой осталась в общинном строе. И только воспитание не позволяет мне прибавить к нему термин «первобытный».

– Дикость начнется, ваше высочество, – с поклоном собрал кинутые бумаги Витте, – когда господа Мамонтов, Шарапов и Нечволодов закончат ревизию, весь дивный самодержавный мир схлопнется для нас всех до размеров каземата Петропавловской крепости. Полторы тысячи ревизоров по высочайшему повелению денно и нощно изучают казенные траты за последние десять лет, и нет ни единой возможности хоть как-то предотвратить утечку конфиденциальной информации. Дворцовый переворот в этих условиях вряд ли будет поддержан даже союзной Францией: сосредоточение власти в руках одного лица – это опять непредсказуемые династические риски, от которых они уже устали. Дворцовых переворотов может быть много. А вот смена строя на более демократический, с опорой на политические партии, уравнивающие друг друга, связанные деловыми отношениями с Европой, – это то, что может быть одобрено не только в Париже, но и в Лондоне... Особенно, если в результате будет предотвращено усиление Германии в виде прирастания Польшей. Правда, Британия требует еще публичного отказа от движения на юго-восток – к ее колониальным владениям.

– Вашими устами да мед пить, – усмехнулся великий князь Сергей Александрович. – Но мы помним историю Французской революции, где все началось с великосветской оппозиции маркиза Лафайета, аббата Сийеса, епископа Талейрана и графа Мирабо, а закончилось якобинской гильотиной, которая укоротила на голову первых революционеров.

– Насколько я понял, – вздохнул великий князь Алексей Александрович, – господин Витте предлагает нам выбор между судьбой жирондистов и Уильяма Твида⁷. Если вопрос стоит только так и не иначе, я бы, конечно, выбрал Жиронду...

– Наши друзья из Лондона предлагают сформировать двухпалатный парламент по типу английского, в одну из них будут входить те фамилии, список которых вы сами сформируете, ваше высочество... Вы и ваши потомки будут иметь наследуемые места в сенате, формируемом по аналогии с палатой лордов... Никто принципиально не возражает и против наличия

---

⁶ В реальной истории 5 ноября 1916 года в Варшаве и Люблине германский и австро-венгерский генерал-губернаторы Ганс фон Базелер и Карл фон Кук одновременно опубликовали два манифеста. От имени своих монархов они провозглашали создание Польского королевства. И только после этого 12 декабря 1916 года Николаем II был подписан приказ № 870 по армии и флоту. В нем провозглашалось «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей».

⁷ Уильям Твид – самый известный политик-коррупционер Америки XIX века, украл сумму, равную внешнему долгу США на тот период.

монарха, как символа государства, весь вопрос только в объеме полномочий, которые должны быть перераспределены. Абсолютизм – это все-таки пережиток.

– А вы не боитесь, господа родственники, что я, как и полагается честному офицеру, доложу императору о вашем комплоте? – подал голос великий князь Александр Михайлович.

– Меньше всего мы опасаемся именно этого, ваше высочество, – усмехнулся Витте, – во-первых, потому, что придется доложить его императорскому величеству, на какие средства было построено ваше собственное имение «Ай-Тодор», эту информацию ревизоры найдут обязательно – я уж позабочусь...

– Ну а во-вторых, – перебил финансиста великий князь Владимир Александрович, – для доклада, Сандро, тебе придется ждать возвращения Никки, а мы сами ждать не собираемся.

– Но именно это и есть безумие!

– Нет, это как раз благоразумие, а безумие – ждать, когда все эти ревизии доберутся до военного ведомства и нас поднимет на штыки наша собственная армия.

– Хватит выпренных речей. Сколько у нас есть времени?

– Пограничная стража подчиняется министерству финансов, и она уже перекрыла границу с нашей стороны. На какое-то время это задержит царя, но только в том случае, если их поддержат немецкие коллеги.

– Наши друзья в Германии понимают, что они своими руками разваливают такую выгодную для них сделку?

– Они отдают себе отчет в этом, но сознательно размещают приобретение территорий на сближение с Великобританией и считают, что сейчас для них это важнее... Однако просят подтвердить обязательства России по польской сделке на будущее... Естественно, без лишней огласки – секретным протоколом...

– Волкодавы! Хотят выбить уступки и с Англии, и с нас одновременно. Собственные обязательства, как я понял, они подтверждать не намерены? И что будем делать?

– Простите, но я уже подтвердил...

– Сергей Юльевич, а не рано ли вы примерили мундир руководителя правительства?

– Простите, ваше высочество, но царский поезд двигался уже к границе, и времени на согласование просто не было.

– На ходу подметки режете, господин министр!

– Просто это единственный шанс. Если император вернется раньше, чем мы объявим о новом правительстве, конституции и получим признание основных держав, то все зря.

– А у вас есть гарантии, что получим?

– Нас поддерживает деловое сообщество, и в первую очередь банки, озабоченные планами царя о реформах финансов, особенно слухами об отмене золотого рубля. Кроме того, он оговорился о возможном запрете ростовщичества и крайне неодобительно высказался об игре на бирже. То есть успел потревожить самые могущественные финансовые центры, а они такого не прощают. И если не бурный восторг, то молчаливое одобрение своих правительств они обеспечить в состоянии. Конечно, все это не бесплатно, и нам придется раскошелиться, но в свете явных угроз это уже несущественно... Условие одно: все должно быть юридически корректно, быстро и одновременно – медицинское заключение о недееспособности государя, полученное от немецких врачей, ваш Манифест регента об учреждении Временного правительства, конституционной комиссии и переходе на республиканский тип правления... Меня больше беспокоит вопрос, на какие силы можем рассчитывать в Петербурге?

– Первый гвардейский корпус выполнит любой приказ, – кивнул головой великий князь Павел Александрович, – но, думаю, достаточно будет одной демонстрации. Не только в Петербурге, но и вообще в России не существует силы, поддерживающей царя. Не считать же серьезной боевой единицей этот потешный африканский полк генерала Максимова...

Кровавое воскресенье

– А не рано ли начали, сударь? – строго спросила Мария Павловна, застав супруга, великого князя Владимира Александровича, с одиноким бокалом в руках и с мешками под глазами. – Начинается такой важный день для нашей семьи, а вы, смотрю, уже решили его завершить?

– Ты не понимаешь, дорогая, что, подписывая этот Манифест, я отрезаю себе все пути отступления? – не поднимая глаз от вишневой жидкости на дне сосуда, выдохнул великий князь.

– Я не просто понимаю это, дорогой, – произнесла княгиня с улыбкой Медузы-Горгоны, – я безмерно счастлива, что ты это сделаешь, прекратив изображать верность тому, кто этого чувства не достоин, и назовешь юродивого юродивым.

– Мне брат доверил быть регентом для сохранения самодержавия, а не для его разрушения.

– А кто заставляет тебя его разрушать?

– Но Витте требует, чтобы я объявил о Конституционной реформе и парламентской республике.

– Мало ли что требует Витте? – фыркнула Мария Павловна. – Этот плебей спасает свою шкуру, понимая, что только никем не ограниченная премьерская власть может быть гарантией его неприкосновенности. Это подлец... – княгиня решительно отобрала у мужа бокал и поставила его на столик. – Но полезный подлец. Он сделает за нас всю работу, а ты сможешь наконец передать престол тому, кто его больше всего достоин.

Великий князь посмотрел на жену долгим мутным взглядом. Бессонная ночь и добротный коньяк явно не способствовали быстрому осознанию шахматных комбинаций супруги.

– Ну вот смотри, – Мария Павловна зашла за спину Владимира Александровича, сжала его виски своими холодными сухими ладошками и горячо зашептала на ухо, – ты получил сообщение от немецких медиков о душевной болезни Никки. Сам он находится за границей и не-до-сту-пен для подтверждения или опровержения этого факта. Пользуясь дарованным тебе правом, с целью сохранения управляемости империи и только на время болезни императора ты передаешь полномочия Временному правительству во главе с этим кухаркиным сыном и просто ждешь. Больше ничего делать не придется. Временное правительство – это власть, которая работает вре-мен-но, то есть до следующего твоего распоряжения. И пусть он сам, если хочет, объявляет о парламенте, конституции, прочих модных новшествах. Пусть играет в свои игрушки, сколько ему влезет, лишь бы он уладил проблему Никки и Аликс. Хотя, думаю, что этот вопрос за него решили уже его друзья-банкиры. А когда Витте сделает всю грязную работу, ты сможешь объявить о прекращении полномочий его правительства и передать корону нашему мальчику.

– И он отдаст с таким трудом полученную власть? – криво улыбнулся великий князь.

– Его грязные интриги – против твоей гвардии, – улыбка Медузы-Горгоны стала неотразимой. – Дорогой мой, винтовка рождает власть⁸, и пока она у тебя, а не у него, он будет играть по нашим правилам!

– Кстати, насчет винтовок и гвардии... Витте просит сразу после объявления Манифеста поднять императорский штандарт над Зимним дворцом и окружить его двойным кольцом оцепления...

– Ну... эту маленькую шалость, думаю, мы можем себе позволить, независимо от того, что задумал этот смерд...

---

⁸ Мария Павловна опередила Мао Цзедуна.

– Если вдруг он, увидев, что я в Манифесте ничего не сказал про Конституцию и республиканское правление, откажется от своих планов, и мы так и не узнаем, что он задумал?

– Можешь подарить ему комиссию по разработке Конституции и законодательства о парламенте... Но даже без этого... Нет, не откажется. Ему просто некуда деваться. Коготок увяз – всей птичке пропасть...

– Где увяз коготок птички?

– В казне, мой дражайший супруг. Она почти всегда является главной причиной нелепых политических авантюр...

* * *

Первые организации эсеров появились в середине 1890-х годов. Одной из них был Союз русских социалистов-революционеров, родившийся в 1893 году в Берне, где самыми активными повитухами этого детища стали Швейцарская банковская корпорация, французский «Creditt Lyonnais» и их «сердечные партнеры» из Лондонского Сити.

Весьма любопытным эсеровским подразделением была ее боевая ячейка, по размерам, подготовке и финансовым возможностям превосходящая саму партию. Задолго до официального оформления единого эсеровского центра, с активной помощью тайной полиции и разведок Франции и Англии, ее начал формировать не менее интересный человек – Григорий Андреевич Гершуни. Если еще точнее, партия социалистов-революционеров создавалась вокруг боевой организации товарища Гершуни и была идеологическим прикрытием ее насквозь коммерческой работы по ликвидации неугодных политических фигур и рыночных конкурентов. Эта структура не подчинялась партийным органам и не отчитывалась перед остальными эсерами о своих действиях, была своеобразным государством в государстве, орденом избранных, «творящим добро» самим фактом своего существования, без оглядки на кого бы то ни было, никому не подконтрольная и не подсудная.

В последнюю неделю января 1901 года «фирма» Григория Андреевича планировала выход в свет. Дебют должен был получиться оглушительным, при большом скоплении народа и привести к тектоническим политическим сдвигам в самой большой стране мира.

Манифест регента империи, великого князя Владимира Александровича о недееспособности царя и передаче власти Временному правительству во главе с Витте, пришедшийся на последнюю пятницу января, всколыхнул столицу, уже и так немало растревоженную последними инициативами императора. Известие о душевном недуге государя, несмотря на содержащиеся в Манифесте надежды на скорое выздоровление, взъерошило обывателей более, чем известия о покушении. Всем было интересно узнать, что теперь будет с царскими указами за последний месяц? Они будут отменены, так как приняты и провозглашены сумасшедшим? А как же освобождение от налогов и податей малоимущих, к коим относили себя четыре пятых населения империи? Что теперь будет со снятием запретов на обучение и других сословных ограничений? А как же отмена телесных наказаний? А восьмичасовой рабочий день и запрет на труд детей? Это все теперь недействительно? Поэтому, когда в субботу над Зимним взвился императорский штандарт, сигнализирующий о присутствии государя на своем рабочем месте, народ решил идти за правдой. Очень способствовали организации шествия «народные энтузиасты», материализовавшиеся накануне в самых разных районах города, бойко призывавшие не оставаться безучастными зрителями и не дать «злым боярам» порушить добрые начинания царя. Слухи о том, что придворные гады хотят перекрыть свежий воздух свободы, а император на самом деле жив-здоров, но силой удерживается знатью, недовольной его последними реформами, настойчиво гуляли по питерским улицам и закоулкам. Штаб «народных энтузиастов» в доме 59 на набережной реки Мойки, аккуратно в том же здании, где находился филиал «Лионского кредита», перешел на круглосуточную работу, вдохновенно дирижируя потоком

слухов, определяя точки и время сбора, формируя колонны для организованного движения на Дворцовую площадь.

* * *

– Ваше высокопревосходительство, – образцово вытянулся, войдя в кабинет, адъютант командира 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенанта Бобрикова, – к вам начальник Главного политического управления полковник Юденич.

Повинуясь короткому кивку головы, адъютант неслышно исчез за дверью, а перед глазами начальника появился невзрачный офицер в мешковатой полевой форме, смотрящейся в гвардейском храме военной роскоши вызывающе чужеродно. Генерал с усмешкой осмотрел вытасченного из туркестанской тьмутаракани армейца, похожего на него полным отсутствием растительности на голове. Зато генеральские усы по пышности и ухоженности давали сто очков вперед аналогичному украшению полковника.

– Слушаю вас, – не переставая перебирать бумаги, отрывисто произнес генерал, – только прошу кратко, у меня дел невпроворот.

– Я как раз по поводу ваших дел, Георгий Иванович, – учтиво кивнул Юденич, – прошу ознакомиться с письмом, адресованным лично вам. Надеюсь, вы знакомы с этими печатями на пакете? Мне поручено дождаться ответа.

Генерал кивнул, взял в руки конверт, вслух прочитал:

– Командиру первой гвардейской пехотной дивизии генерал-лейтенанту Бобрикову, лично в руки. Вскрыть в случае покушения на мою персону, неожиданной болезни, а равно моего безвестного отсутствия или другой причины, из-за которой я буду объявлен недееспособным...

Генерал вскинул глаза на полковника.

– И когда сия бумага была составлена?

– Не могу знать. Имею поручение только доставить лично в руки и всемерно содействовать вам в выполнении полученного приказа.

– Ну что ж, тогда почитаем приказ, – генерал вскрыл сургучные печати. – Та-а-ак, тут говорится про запрет на участие гвардии в подавлении возможных беспорядков... Не поддаваться на провокации... В случае угрозы жизни и здоровью солдат и офицеров – вывести дивизию из города... Та-а-а-к, вы понимаете, что это, полковник?

– Вас что-то смущает?

– Меня смущает подпись под приказом – это не почерк его величества.

– Вам прекрасно известно, что после двух покушений, а особо после контузии, моторика рук государя еще не восстановилась!

– А может быть, дело не в этом? Может, эта подпись, как и письмо – подделка? Или еще хуже – человек, писавший его, не в себе? После решения отказаться от Царства Польского именно это и приходит в голову! Вывести гвардию – значит оставить город без защиты! Это и есть провокация, господин Юденич!

– Что вы намерены делать, Георгий Иванович?

– Я намерен выполнять свой долг. Кстати, кто еще получил такие же письма?

– Командиры всех полков, шефом коих является государь, генерал Скарятин, командир расквартированной в столице 37-й пехотной дивизии и флотские экипажи Кронштадта...

– Ну ничего, это мы поправим, – криво усмехнулся Бобриков. – Дежурный! Арестовать полковника как провокатора! Передать нарочными в полки: переловить его подельников, доставивших аналогичные письма, привезти в штаб – я сам с ними побеседую.

– Зря вы так, Георгий Иванович, – вздохнул Юденич, – стреляться ведь потом придется...

– Что? Молчать! Да я вас в Сибирь! На каторгу!.. Ишь, распустились, вояки потешные! Конвой!..

* * *

Императорский поезд был остановлен «в связи с непредвиденной аварией железнодорожного полотна» почти на самой границе, и теперь местные путевые рабочие спорно цепляли к нему маневровый паровозик, явно намереваясь перетащить его в какой-нибудь тупичок.

«Ну, Вилли! Ну, волкодав! – улыбался про себя император, наблюдая, как по перрону прусского городка Бромберг прохаживаются преисполненные важности полицейские Второго рейха. – Интересно, это твой собственный план, или его написали за тебя в Туманном Альбионе? И ты подумал, что старый подпольщик будет ждать, когда ты решишь его судьбу? Какая наивность!»

– Иван Дмитриевич, – произнес монарх, – пришла пора задействовать ваш волшебный театальный саквояж и переходить к особому плану, о котором я вас предупреждал. Соберите, пожалуйста, доверенных лиц в салоне. Приступаем.

Когда маневровая «кукушка» замерла на стрелке, отъехав от перрона с охраной на положенную версту, а помощник машиниста, отчаянно зевая и лениво переругиваясь со стрелочником, занялся семафором, из крайнего вагона неторопливо вышли и степенно направились к городским строениям два монаха-бенедиктинца, кутаясь в длинные рясы и прикрывая лица от зимнего ветра своими черными капюшонами. «Проклятые миссионеры-католики! Шляются тут, будто им медом намазано, – неприязненно подумал правоверный лютеранин машинист, выглядывая из своего паровозного окошка, – нашли кого в веру обращать – законченных схизматиков...» – и, сплюнув вслед ненавистным папистам, занялся своими фырчащими и дышащими паром механизмами.

* * *

Коменданта Кронштадта адмирала Макарова разбудил настойчивый стук в дверь, гулко раздававшийся в спящем доме в это раннее зимнее утро.

– От генерала Максимова, – коротко отрекомендовался посыльный и, козырнув, вручил именной конверт с лежавшим в нем пакетом, с солидной сургучной печатью и монограммой, право на которую имел всего один человек в империи.

– Вот что, голубчик, – коротко проинструктировал адъютанта Макаров, ознакомившись с посланием, – сообщите кому следует, что с сегодняшнего дня охрану внешнего периметра Кронштадта несет и пропускной режим в город обеспечивает бригада Евгения Яковлевича, ему надлежит передать все пулеметы кораблей, стоящих на зимней стоянке и на ремонте. Командирам экипажей – вскрыть пакет с literой «Р» и действовать по вложенной инструкции. На «Ермаке» – грузить уголь, разводить пары. По готовности – выходим... Интересно, как там у Иессена?

* * *

Капитан первого ранга Карл Петрович Иессен чувствовал себя неуютно и тревожно. 28 ноября 1900 года после прощания с рабочими-балтийцами его «Громобой» снялся с бочки аванпорта Кронштадта. Показав позывные крепости и отсалютовав ей семью выстрелами, крейсер отправился в порт своей постоянной приписки – Владивосток. Но на стоянке в Киле боевой корабль нагнало высочайшее повеление – вместо перехода во Владивосток совершить

плавание вокруг Британии и вернуться на Балтику, зайдя в Данциг, обосновав это необходимостью ремонта машин, где и ждать дальнейших распоряжений. Само испытательное плавание с последующей ревизией машин капитан считал вполне разумным. «Громобой» наплавал всего 500 миль и к тому же успел посидеть на мели, поэтому проверка механизмов перед дальним переходом во Владивосток была более чем оправдана. Но зачем надо переться именно в Данциг, где не было никаких условий, и сидеть там столько времени, изображая бурную деятельность на борту, Иессен понимать отказывался. Однако Карл Петрович, как настоящий служака, приказы начальства привык исполнять, поэтому только пожимал плечами, получая по радио один и тот же сигнал: «Ждать». И вот, наконец, когда у экипажа, зажатого в тесноте железных отсеков, терпелка начала заканчиваться, с берега подали условный сигнал, и к высоченному борту крейсера пришвартовался абсолютно невзрачный паровой катер. С него на палубу поднялись, судя по внешнему виду, два заштатных коммивояжера, в одном из которых изумленный капитан узнал...

– Ваше императорское величество?..

– Спокойно, Карл Петрович, не нужно привлекать лишнее внимание. Будет очень здорово, если мы побудем некоторое время у вас в гостях инкогнито. Крейсер к плаванию готов? Тогда отдавайте соответствующие распоряжения и держим курс на Кронштадт – у кромки льдов нас должен ждать «Ермак» со Степаном Осиповичем.

* * *

Барон Гораций Осипович Гинцбург был, как всегда, нетороплив и деловит, раздавая поручения за утренним чаем, куда приглашались наиболее доверенные лица. Секретари, они же – курьеры, они же – цепные псы своего хозяина, числом с полдюжины, наоборот, были поджары, сосредоточены и заряжены на немедленное действие, как скаковые жеребцы на ипподроме. Нежное, сыновнее обращение старого коммерсанта со своими подчиненными только усиливало серьезность поручений и предусматривало абсолютную исполнительную дисциплину.

– Альфред, мальчик мой, отправляйся к Варшавскому. Засвидетельствуй Абраму Моисеевичу мое нижайшее почтение и приступай к работе с газетчиками, каковую мы планировали вместе с господином Ротшильдом.

– Давид, сынок, собирай своих помощников и, помолясь, делайте свое дело в типографиях. Да-да, строго по инструкции, никаких изменений и дополнений не будет. Пожелание только одно – не затягивать, завтра к утру весь тираж должен быть готов.

– Владимир, не скучай, я ничего не забыл. На тебе – братья Поляковы. Передай им, что старый Горацио просит их помочь организовать банкет – они поймут, о чем идет речь, и далее – телеграф и московская железная дорога. Все свежие сведения и события об императоре ты должен моментально передавать Давиду – он знает, что с ними делать...

* * *

– Вы уж поберегите себя, Александр Дмитриевич! – напутствовал Мамонтов капитана Нечволодова. – Мне страшно становится, как подумаю, какую бомбу вы везете в столицу. Смотрите, чтобы по дороге она не взорвалась у вас в руках.

– Полноте, Савва Иванович, – усмехался главный армейский критик «золотого рубля», – мне по долгу службы положено уметь обращаться со взрывчатыми веществами, тем более, что еду не один – с такой-то охраной даже губернатор не катается.

– Так-то оно так, но вы даже не представляете силу и коварство человека, чьи интересы мы задела, – качал головой заводчик. – В любом случае, в Бологое меняйте транспорт – наши

люди вас будут ждать. Далее до Петербурга будете добираться дровяными узкоколейками... Страсти-то какие, Александр Дмитриевич, творятся! Государь сумасшедший... Если бы я его не видел! Да он нормальнее всех нас вместе взятых...

– Ничего, Савва Иванович, не в первый раз, – напряженно улыбался Нечволодов, – стрелецкий бунт Россия-матушка пережила, переживет и министерский...

* * *

По свидетельству очевидцев, в это январское утро на небе Петербурга наблюдалось редкое природное явление – гало. На затянувшемся белесоватой мглой небе мутно-красное солнце создало в тумане около себя два отражения, и глазам казалось, что на небе три светила. Потом, в третьем часу дня, необычная зимою, в небе расплылась яркая радуга, а когда она потускнела и скрылась, поднялась снежная буря.

С самого утра, как только рассвело, со всех концов Петербурга к Зимнему потянулись длинные вереницы людей. Шли поодиночке, группами, целыми семьями – с женами, с детьми. Такого многотысячного скопления народа здесь еще не бывало. На дороге приостановили движение конок. Появились священники с иконами и народные энтузиасты с царскими портретами. Не уместаясь на улице, толпа, как дрожжевое тесто, расплзалась по городу, а люди все прибывали и прибывали.

Вход на Дворцовую площадь перегораживали стройные ряды Преображенского полка. В них, как в плотину, упирался людской поток, растекаясь по сторонам и постепенно охватывая солдатский строй с флангов.

Толпа густела и ширилась, вбирая в себя все новые ручейки из улиц и переулков. Солдаты в строю явно нервничали. Невозмутимость сохранял только молодцеватый штабс-капитан, со скучающим видом прохаживающийся перед второй линией оцепления, расположенной непосредственно у стен Зимнего дворца.

– Пошто не пускаете? – истерично взвизгивал голос из глубины толпы.

– Охолони! Не велено! – строго отвечал усатый седой унтер, грозно нахмутив косматые брови.

– Да мы ж только одним глазком глянем, – игриво зывали из толпы, – убедимся, что царь-батюшка жив-здоров, и по домам...

– А ну осади! – тяжелый приклад винтовки пролетал в вершке от носа самых беспокойных, и пока это помогало. Но всем было ясно, что статус-кво ненадолго – народ напирал. Развязка случилась, как всегда, неожиданно. Веселая стайка студентов, схватив за руки одного из зевак и подбежав вплотную к армейскому оцеплению, как из пращи, швырнула его в строй солдат. Не ожидавшие применения живого метательного снаряда, служивые подались в стороны, строй дрогнул, и в образовавшуюся щель посыпалась радостно гогочущая молодежь. Унтер, уже не трата попусту слова, огрел по спине самого наглого, который сразу рухнул как подкошенный. Подчиняясь команде, первая шеренга взмахнула прикладами и ошетибилась штыками. Хрустнули чьи-то кости. Раздались стоны раненых. На утоптанном снегу упали первые капли крови. Толпа подалась назад, но, как дикий зверь, почуявший запах добычи, почти сразу остановилась и решительно двинулась на разорванную шеренгу гвардейцев. Дикий вопль «убили!» и коллективное «а-ах!» перекрыли хлопки pistolетных выстрелов. Затесавшиеся в толпу боевики в упор расстреливали солдат, расчищая проход на площадь. Усатый седой унтер первым упал на мостовую, удивленно глядя в небо остекленевшими глазами. Рядом с ним снопами валились его молодые сослуживцы. Толпа окончательно смяла строй и вырвалась на Дворцовую площадь. Вслед ей неслись истошные крики: «Царя-батюшку извели, изверги! И нас извести хотите!!! Бей сатрапов!!!»

Штабс-капитан, остолбеневший от вида обезумевшей толпы, разметавшей первую линию оцепления и несущейся прямо на него, успел, тем не менее, сделать шаг в сторону и, подняв руку, скомандовать: «По бунтовщикам! Пачками! Пли!»

* * *

– Знаете, Дмитрий Федорович, – пытался шутить Зубатов, одновременно стряхивая с себя стекольное крошево и перезаряжая револьвер, – я все чаще думаю о смене профессии на более спокойную и безопасную. Например, на укротителя крокодилов... Как вы думаете, у меня есть шанс приручить это пресмыкающееся?

– Обещаю на собственные средства приобрести и подарить вам пару рептилий, – поддержал шутку генерал Трепов, старательно перематывая оторванным рукавом рубашки окровавленную руку, – первым делом займусь, как только выберемся отсюда... Впрочем, их, наверно, можно и самому наловить на рыбалке. Точнее на крокодиловке... Надо бы только помощников с собой взять, одному с ними не справиться, уж очень изворотливые... Ратко, Спиридович! Пойдете со мной ловить крокодилов для Сергея Васильевича?

– А чем мы сейчас занимаемся? – высунулся из-за поваленного шкафа весь белый от осыпавшейся штукатурки Ратко.

– А сейчас они нас ловят, – не остался в долгу Спиридович.

– Ну слава богу, живы! – удовлетворенно прошептал Трепов. – Значит, еще повоюем.

Крепкая купеческая усадьба на северной окраине Петербурга в живописной Кушелевке, используемая лейб-жандармерией как секретная оперативная явка, была атакована сразу со всех сторон, как только руководство лейб-жандармерии собралось вместе. Это значит – за ними следили, причем долго, тщательно и очень профессионально: у мастеров политического сыска ни разу не возникло никаких подозрений. Оставшийся у входа конвой погиб практически моментально. Не повезло и жандарму, дежурившему в прихожей. После того как он, отстреливаясь, захлопнул тяжелую дубовую дверь перед самым носом нападавших, прогремел первый взрыв, сорвавший обе створки с петель и швырнувший их на унтера.

Вторая бомба взорвалась под окном, обдав защитников градом стеклянных осколков. Третью нападавшие попытались закинуть внутрь, но она застряла в ажурной решетке, покорежила и сорвала ее, обрушившись на стол, стоящий прямо у окна. Трепов, успев инстинктивно пригнуться, оставил на столешнице левую руку, за что и поплатился, выбыв из строя на следующие несколько минут. Дружный залп из всех стволов несколько охладил пыл нападавших, попытавшихся влезть через двери и оконный проем, проредил их ряды, но не заставил отказаться от первоначальных планов, о чем свидетельствовал постоянный скрип снега, тихие голоса и еле слышный лязг оружия. Самое страшное, что атакующие ничего не требовали, не угрожали и даже не ругались. Если исключить выстрелы и взрывы, все происходило в абсолютной зловещей тишине, говорящей о том, что никого тут в плен брать не собираются.

– Поручик! Чердак! – свистящим шепотом скомандовал Трепов, и Ратко кошкой метнулся к лестнице.

– Какие, кроме дрессировки рептилий, будут мысли, Сергей Васильевич? – обратился генерал уже к Зубатову.

– Если у них осталась хотя бы одна бомба, следующая атака будет для нас последней – это раз, – флегматично отозвался сыщик, – у них в нашей службе есть свой человек – это два. Очень пить хочется – это три. Скорее всего, это иностранцы – четыре.

– Сергей Васильевич, – живо откликнулся Спиридович, – а можно поподробнее про «четыре»?

– Обязательно, поручик. Давайте сначала выясним, почему так тихо на чердаке?

– Василий Васильевич! – чуть повысил голос Зубатов. – Вы что там замолчали? Команды спать никто не давал...

Будто отвечая на его вопрос, крышка чердака открылась и оттуда с грохотом скатился Ратко с выпученными глазами и диким воплем: «Все из дома!» Автоматически рванувшие к окнам жандармы были встречены беглым огнем, пули защелкали по наличникам, противно завизжали, врезаясь в остатки витых решеток, заставили отпрянуть и спрятаться за массивную мебель.

– Бомба... здоровая... просунули в слуховое окно, – просипел поручик, пытаясь восстановить дыхание... – Бикфордов шнур... изнутри не достать... сейчас догорит и каюк...

– Куда? К черному входу?

– Там нас тоже ждут!

– Давайте тогда разом попробуем! Может, хоть кто-то уцелеет!

– Поручик, отставить! – лязгнула команда Трепова. – Все ко мне! Быстро! Помогите сдвинуть стол!..

Обитатели многочисленных игорных заведений этого спокойного дачного местечка стали свидетелями неожиданных для этих мест военных действий – частая дробь pistolетных выстрелов и буханье взрывов на перекрестке Спасской и Косой буквально разорвали привычную сонную тишину зимнего вечера, выгнав немногочисленных зевак на свежий воздух. Затем бухнуло уже основательно, и крыша красивого изящного особняка напротив Беклешева сада подпрыгнула, как живая, переломилась посередине и рухнула вниз, продавив перекрытия и превратив совсем недавно крепкое здание в груды развалин с сиротливо торчащей трубой, окруженной облупленными стенами с безжизненными глазницами окон, недоуменно глядящими в ночь.

* * *

Когда Бологое было уже видно по частым столбам дыма над печными трубами, на длинном пологом повороте поезд как будто ткнулся в невидимую стену, громыхнул сцепками, дернулся вбок, видно, пытаясь объехать внезапное препятствие, заскрежетал всеми своими железками и медленно, нехотя начал заваливаться на бок. Срыв своим зеленым телом солидные придорожные сугробы, состав застыл, свернутый вокруг своей оси, как лента Мебиуса, в центре которой неестественно скособочился фельдъегерский вагон, перевозивший отчет ревизоров.

Нечволодов очнулся от энергичных частых шлепков по щекам. Бравый хорунжий, начальник приставленной к нему охраны, с которым они уже успели подружиться за эту недолгую дорогу, настойчиво приводил его в чувство.

– Александр Дмитриевич! Александр Дмитриевич! – энергично тряс его казак. – Ну же! Уходить надоть!

– А? Что? Доложить о потерях! – на автомате прохрипел капитан, старательно тараща глаза, чтобы картинка не двоилась.

– Крушение... Полагаю, что подстроено... У нас двое раненых, один погибший... Сейчас, наверно, уже больше... – скороговоркой отвечал хорунжий, оставив в покое щеки Нечволодова и торопливо набивая барабан револьвера. – Потом появились эти... Со стороны Москвы, искали вас и ваши бумаги. Знали, где вы едете, начали палить по окнам... Ну мы им в ответ троих побили, двое ушли... Мы вас вытащили да к деревне поволокли, а они возвратились с подмогой... Идти вам надо к станции, пока мы тут отбиваемся, сможете?

Только сейчас, сквозь отчаянный звон в ушах капитан услышал знакомый треск выстрелов. Опершись о руку хорунжего, Нечволодов рывком поднялся, земля качнулась, тошнотворный комок подкатил к горлу и ударил в нос.

– Вместе отобьемся!

– Не можно, – нахмурился хорунжий, – имею строгий приказ доставить вас в целости, даже ценой... – он запнулся. – Одним словом, Александр Дмитриевич, за нас не переживайте, мы люди привычные. А вы давайте, поспешайте. Может, дойдете... Тогда помощь какая поспеет... Тут же раненых и побитых страсть как много, особенно в третьем классе...

Всучив Нечволодову саквояж с документами, хорунжий осторожно подтолкнул его в спину, а сам потрусил в сторону лежащего на боку паровоза. Из его покореженных котлов извергался пар, создавая естественную маскировочную завесу. Перехватив половчее одной рукой сумку, а другой нащупывая в кармане штатный наган, капитан заковылял в сторону станции, поминутно оглядываясь на место крушения и тревожно озираясь по сторонам. Богатый на снегопады январь перелицевал ландшафт местности, превратив ее в ледяную пустыню. Постоянно очищаемая железная дорога оказалась в снежном тоннеле, а вокруг лежала белая целина. Ступив на нее, можно было провалиться по пояс, а то и с головой.

– Ничего-ничего, – скрипнул зубами Нечволодов, – бывало и похуже.

Хотя, что кривить душой, так плохо еще не было никогда. Как бы в подтверждение этого где-то сбоку раздалось бойкое гиканье, и капитан, забравшись на снежный валун, увидел вдалеке всадников числом не менее десятка, огибающих огрызающийся огнем поезд и яростно погоняющих лошадок, вязнущих в глубоком снегу.

– Заметили, черти, – обреченно простонал офицер, спрыгивая с валуна и оглядывая ровный, как стрела, снежный тоннель в поисках хоть какой-то мало-мальски приемлемой огневой позиции. – Ну хоть чуть-чуть вперед пройти, может, успею где сховаться... До станции версты две. Им по целине – все три будет... Идут медленно, но это – пока не выскочат на полотно, а как случится, там уже никакого соревнования в беге не получится. Хоть как-то задержать...

Нечволодов вытащил из саквояжа бумаги, старательно запихал их за пазуху, а опустевшую сумку демонстративно оставил на путях – хоть полминуты выиграть. Сам же, не оглядываясь, припустил со всех ног к спасительным дымам такой желанной деревни.

Впереди уже виднелся семафор и за поворотом угадывались станционные домики, но, задыхающийся от спурта по трескучему морозу, он понял – не уйти. Топот копыт по шпалам за спиной слышен был все отчетливее. Всадники уже не погоняли лошадей гиканьем – ясно было, что никуда одинокий пешеход от них не денется. «Не стреляют – значит нужен, наверно, живым...» – подумал капитан, когда от станции прямо ему навстречу выскочил двуконный возок с каким-то сооружением, покрытым дерюгой. Затормозив от неожиданности, капитан увидел на одном из пассажиров морскую форму и рванул вперед с удвоенной энергией. Именно об этом встречающем предупреждал его Мамонтов, и теперь капитан понимал, что это – его последняя соломинка, хотя к горлу подступало отчаяние: ну что могут сделать трое пеших против десятка конных?

– Александр Дмитриевич? – привстав на возке, то ли вопросительно, то ли утвердительно крикнул флотский.

Нечволодов, уже не в состоянии ни слова произнести, кивнул на бегу, понимая: бежать ему до возка остается ровно столько же времени, сколько осталось доскакать до него ближайшим преследователям.

– Александр Дмитриевич, ложитесь! – отчаянно закричал лейтенант, срывая дерюжку и обнажая хищное жало пулемета. С размаху шмякнувшись на землю и откатившись в сторону, капитан закрыл голову руками. «Тах-та-та-тах!» – захлебнулось звонким лаем оружие конструкции Хайрема Максима. Дикое ржание, ругательства, крики и стоны в двадцати шагах за спиной заставили Нечволодова перевернуться на спину и выставить вперед руку с пистолетом... Его участие уже не требовалось – снежный тоннель перегораживала плотина из дергающихся в агонии конских туш и человеческих тел. Их безжалостно продолжали рвать длинные пулеметные очереди. Кроваво-красные ошметки разлетались по сторонам, налипали на снеж-

ные стенки, неровным слоем покрывали все пространство на три шага вперед. Под этой грудой плоти, еще мгновение назад живой, снег стремительно таял и сразу же превращался под трескучим морозом в ярко-красный лед, по которому струились и пузырились багряно-черные потоки.

– Какой кошмар! – прошептал капитан и провалился в спасительный мрак небытия...

* * *

Отправив шифрованное телеграфное сообщение в Лондон, резидент английской королевской разведки звонко свистнул извозчику и скомандовал: на Малую Морскую! В середине XIX века молодой фотограф Уильям Кэррик вместе с другом Джоном Мак-Грегором на этой улице в доме № 19 открыли студию фотографии. Кэррик в свободное время выходил на Невский проспект и приглашал в студию лоточников, разносчиков, мастеровых, солдат. Собрание примерно из сорока таких изображений фотограф подарил наследнику престола и получил за это перстень с бриллиантом.

Фотомастерская была великолепным прикрытием для разведывательной работы. Фотопластинки с изображениями, интересующими британских военных, легко терялись среди остальных фотографий, а свободно открытые для посетителей двери фотостудии позволяли беспрепятственно и не вызывая подозрений встречаться со связными и резидентами. Сегодня был особый день, британская разведка могла смело записать его себе в актив. Да что там день! Целая неделя была на редкость удачная! Сначала очень вовремя увидели свет заявления немецких психиатров о незыблемости русского царя и Манифест о переходе власти к Временному правительству. Соглашение между Германией и Россией, насторожившее всю британскую аристократию, теперь вообще отменялось или, как минимум, откладывалось. Затем последовали воскресные беспорядки, превратившиеся в массовую бойню на Дворцовой площади. Уильяму удалось сделать настолько удачные фотографии, что их оторвут с руками все газеты Европы. Российский медведь на глазах валился в преисподнюю, и чем ниже он падет, тем меньше проблем будет создавать британскому льву в азиатских и дальневосточных делах. Поэтому все силы британской разведки были задействованы для богоугодного дела низвержения Российской империи, частью которого был постоянный сбор разведывательных данных. С минуты на минуту в фотоателье должны подтянуться агенты со свежей информацией. Ближе к вечеру появится и сам посол его величества в России Чарльз Стюарт Скотт. У него уже вырисовывались новые любопытные политические комбинации.

Шумную празднующуюся компанию, явно нацелившуюся сделать памятный снимок, Джон увидел, не доходя до фотомастерской. Молодые крепкие брюнеты топтались на морозе, вызывая поглядывая на прохожих, не забывая при этом раскланиваться и всем своим видом излучая оптимизм и учтивость.

– Хеллоу! – радостно вскричал один из них, увидев Джона.

– Хеллоу! – ответил англичанин, натянув дежурную улыбку и мучительно вспоминая, где и когда они успели познакомиться. – Хау а ю?..

Больше ничего он сказать не успел. Пудовый кулак гостя опустился на английскую макушку и отправил разведчика в нирвану. Он вынырнул из небытия только внутри ателье, будучи плотно привязанным к стулу. Напротив сидел один из пижонистых типов, внимательно разглядывая свеженапечатанные пластинки с утренними событиями.

– Кто вы такие? – Джон решил ошарашить грабителей своим напором. А то, что это были именно они, не вызывало у него ни малейшего сомнения. – Я – подданный британской короны! Немедленно развяжите и молитесь, чтобы вам не пришлось потом жалеть о своем недостойном поведении!

– Слушай, дорогой, – с характерным кавказским акцентом, произнося «а» вместо привычного «о», подал голос собеседник Джона, – зачем ты такой нервный? Мы же у тебя в гостях! Законы гостеприимства обязывают быть более почтительным. А ты сразу «я британский подданный»... И что ты сделаешь, подданный? Крейсер сюда вызовешь?

– Что вы хотите? – отвернулся от этой гнусной рожи Джон. – Деньги в верхнем ящике бюро...

– Деньги – это хорошо, – согласился незваный гость, – но нас интересуют не они. К вам приходят очень любопытные гости и приносят крайне интересную информацию. Вот их мы и подождем. А чтобы было не скучно, так и быть, наш кассир примет от тебя добровольное пожертвование в фонд восстановления Великой Армении.

Джон криво усмехнулся. Эти варвары будто не понимают, что так просто агенты сюда не попадают и на стол информацию не выкладывают. Но когда при посещении мастерской первым из них борец за Великую Армению, услышав пароль-вопрос, быстро сориентировался и ответил правильным отзывом, а затем квалифицированно и профессионально произвел обмен информации на гонорар и следующее задание, и сделал то, чего не должен был знать по определению, Джон откровенно затосковал. Вся история последних дней вдруг стала рисоваться совсем не в тех цветах, в которых выглядела изначально. Удачные совпадения стали казаться чьей-то хитроумной комбинацией, а явные достижения – несомненными провалами. «Все совсем не так однозначно», – подумал британский разведчик, слушая, как мило балагурит с очередным его агентом этот неожиданный гость с Кавказа.

«Карфаген должен быть разрушен»⁹

– Кто еще получил такие письма? – строго спросила вдовствующая императрица у стоящего перед ней навытяжку командира кавалергардов.

– Насколько я понимаю, ваше величество, все командиры полков гвардии и вышестоящее начальство, – поклонился ей генерал Безобразов.

– Однако выполнили приказ далеко не все, – констатировала Мария Федоровна.

– Так точно, – кивнул офицер, – командир первой гвардейской дивизии Бобриков заявил о готовности подчиниться решениям Временного правительства и послал преображенцев к Зимнему... Дальше вы знаете...

– Да, – кивнула императрица, – дальше я знаю... Но не все... Что происходит сейчас?

– Гвардия получила предписание выдвинуться к Ораниенбауму и Лисьему Носу, форсировать по льду Финский залив и привести к покорности Кронштадт, где засели мятежные экипажи и африканеры генерала Максимова.

– И вы тоже получили это предписание?

– И я.

– Что будете делать?

– Ждать ваших распоряжений.

– Господи, да какие могут быть распоряжения? – присев в кресло, устало махнула рукой Мария Федоровна. – В городе смута, в высшем свете разброд и шатание, император в неизвестном отсутствии... А я ведь знала, что поездка к этому напыщенному фанфарону ничем хорошим не кончится... Даже в такое время негоже одним русским офицерам, выполняя приказ, стрелять в других, тоже исполняющих приказ... Нет тут бунтовщиков, а стало быть, и оружие обнажать не след...

– Позвольте, ваше величество, – перебил своего шефа генерал, – на офицерском собрании было принято именно такое решение. Со своими воевать не будем... Но и для неподчинения приказу требуется обоснование.

– Нет у меня для вас никаких обоснований, Владимир Михайлович, – вздохнула императрица, – но я уверена, что мой сын, написав эти необычные письма, предчувствовал, что может произойти в его отсутствие, а также перед каким выбором вы окажетесь. А значит, все происходящее – не эксцесс исполнителя и не случайность. Каждое действие императора и даже каждое слово имеет смысл, но я не представляю – какой. Так что на этот раз не ждите от меня распоряжений, генерал, ступайте и выполняйте свой долг так, как вы себе его представляете...

– Ах, Никки-Никки, – прошептала Мария Федоровна, глядя из окна, как взлетает в седло командир кавалергардов и крохотный отряд срывается с места в аллюр, – что же ты задумал? Кто еще кроме моряков и гвардии получил твой необычный приказ «вскрыть в случае, если...» и что они сейчас делают?

* * *

Стоя перед иллюминатором крейсера и глядя на проплывающие мимо ледяные поля замерзшей Балтики, император задавал себе тот же вопрос: что сейчас делают те, кто получил от него пакет с инструкциями на этот пожарный случай? В голове привычно складывались события политического пасьянса. Сколько он уже сложил их за свою прошлую жизнь –

---

⁹ Этой фразой – «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» – римский полководец и государственный деятель Марк Порций Катон Старший, непримиримый враг Карфагена, заканчивал все свои речи вне зависимости от их тематики.

не сосчитать. Но этот был любимый, потому что первый, именно благодаря ему он вознесся на самую вершину. Можно сказать, классический гамбит с перехватом инициативы и власти, впервые опробованный в прошлой жизни на старших товарищах по партии, шел вроде как по маслу. И вот именно это «вроде как» смущало императора, не давало покоя и заставляло еще и еще раз прокручивать события последнего месяца...

В дебюте он планово напугал аристократов потерей наследственных привилегий и привычного казенного содержания. Демонстративно затеял ревизии. Окружил чиновников «товарищами» из числа их врагов, то есть в деталях воспроизвел свою комбинацию образца 1926–1927 годов, когда он шокировал партию объявлением об отказе от мировой революции, подсунил Троцкому в заместители Ворошилова, а потом исключил всю «святую троицу» из политбюро и ЦК. И все это на фоне старательно муссируемой информации, что он – Сталин – serene-кий партийный бюрократ, у которого из оружия – только пресс-папье да чернильница.

Дебют в 1926-м удался на славу. «Демон революции» закусил удила и, почти не таясь, начал готовить госпереворот. Отмашку дал после смерти Дзержинского – и на всем скаку влетел в расставленные силки. Сейчас, в своей новой жизни, император, как прилежный ученик, аккуратно повторил домашнее задание, снова спровоцировал противника рвануть в поспешную неподготовленную атаку... Что тогда не так? Там был Троцкий, тут – Витте. Там – Каменев и Зиновьев, тут – великие князья Александровичи... И даже уши иностранных разведок из-за их спин торчат очень похоже. В голове, как мышь за стеной, скребет тревожная мысль, не упускает ли он нечто важное? Почему создается впечатление, что и Витте, и Александровичей ему просто скормливают? Или еще хуже – используют их как живца... В прошлой жизни всесильные и непотопляемые Витте и Александровичи были почти одновременно отстранены, выкинуты из политики и скоропостижно скончались после Кровавого воскресенья. Сейчас история повторяется? Два совпадения подряд – это закономерность, не так ли? В чьей же комбинации устранение этих господ является шагом к цели и в чем она состоит?

– Ваше величество, – прервал размышления вестовой, – капитан приглашает на мостик.

– Иду, – не оборачиваясь, кивнул император.

В любом случае что-либо менять уже поздно. Партия стремительно перетекает в эндшпиль. «Carthago delenda est, Ceterum censeo Carthaginem delendam esse». А вот что делать с пленными, он решит позже.

«Ах ты, засранец, – подумал император, шагая по железным ступенькам и обращаясь к невидимому противнику, – решил со мной поиграть в поддавки? Устроить рыбалку? Ну я тебе подыграю... Я тебе так подыграю!»

– Карл Петрович! – уже вслух произнес император, поднимаясь на мостик и оглядывая заснеженный Кронштадт. – Ну вот и закончился наш маскарад...

Поприветствовав монарха должным образом, Иессен повернулся к вахтенному офицеру:

– Его императорское величество на мостике! Штандарт и брейд-вымпел государя – на грот-брам-стенгу!

* * *

Гвардейская походная колонна, уже изрядно промерзшая на ледяных ветрах Финского залива, была остановлена в полуверсте от Кроншлота самым недружелюбным и неучтивым образом – предупредительными, пока холостыми, залпами морских орудий и пулеметной трелью, выбивающей симпатичные снежные фонтанчики прямо по ходу движения.

Ранее гвардейцы проигнорировали расставленные прямо на льду вешки с красными флажками. Рядом с ними красовались таблички с предупреждающими надписями: «Особо охраняемая зона. Проход запрещен». Генерал Бобриков, лично возглавляющий колонну, устало взглянул на все эти художества и махнул рукой: «Продолжать движение!» И вот теперь

такой *detcevoir*¹⁰. Георгий Иванович не был трусом – золотая сабля с надписью «За храбрость» и орден святого Георгия 4-й степени «За отличия, оказанные в составе Сербской армии, в войну 1877–1878 годов» тому свидетели. Были бы по ту сторону турки, он не раздумывая сыграл бы «атаку»... Три гвардейских полка раскатали бы этот форт, как Бог черепаху... Но в Кронштадте были *свои*... Для того чтобы стрелять по тем, с кем еще вчера сидел за карточным столом, а позавчера ходил в походы, нужны очень веские основания... Генерал надеялся, что и у тех, кто смотрит на него из бойниц форта, были такие же мысли, а потому решил не спешить – вот подтянутся кордебаталия и аръегард, развернут знамена, и под барабанный бой двинемся дальше. Поэтому скомандовал «привал» и подал пример, прыгнув с тяжело водившего боками коня. Обитатели форта восприняли происходящее своеобразно, и вскоре из его мрачного чрева вывернулись несколько возков с дымящимися трубами полевой кухни и группа всадников, направившихся напрямик к Бобрикову.

«А вот и эти загадочные африканеры», – подумал генерал, с интересом разглядывая необычную униформу. Драгунскую укороченную бекешу, перетянутую ремнями, дополняли эффектные синие галифе с красным лампасом¹¹. На этом фоне форменные шаровары гвардейцев, введенные Александром III, смотрелись как лапти рядом с хромовыми сапогами.

– Генерал Максимов, – отрекомендовался офицер, соскочив с бойкого коняшки и бросая повод ординарцу, – командир бригады специального назначения.

– Генерал Бобриков, – представился Иван Георгиевич и сразу же передразнил защитника Кронштадта, – командир гвардейской дивизии обычного назначения, послан с предписанием разоружить все части, не подчиняющиеся Временному правительству, и арестовать бунтовщиков.

– Имею предписание никого не пускать на вверенный мне объект без специального разрешения коменданта Кронштадта адмирала Макарова или лично его императорского величества.

– Это того, который сошел с ума? – язвительно спросил Бобриков.

– Так точно, – не принял шутки Максимов, – именно его.

– Ну что ж, вызывайте начальство – будем с его помощью снимать с вас ношу часового.

– Уже вызвали, не извольте беспокоиться, в течение получаса будут, – с усмешкой отпартовал африканер, указывая рукой на точку, ползущую с запада и отчаянно коптящую зимнее небо, – ваши подчиненные как раз успеют отобедать.

– Дерзок ты, Максимов! – усмехнулся Бобриков. – Но твоя ретивость тебе не поможет – раньше думать надо было...

– Честь имею, – козырнул бригадир-африканер и взлетел на коня, – только прошу вас, генерал, не делайте глупости. На вас смотрят сразу десять станковых пулеметов, а вы без артиллерии – ни единого шанса...

– Ну-ну, Максимов, – поежился Бобриков, – это мы еще посмотрим, у кого ни единого шанса... Однако не смею задерживать, а за горячий обед – спасибо, это зачтется...

Черная точка понемногу росла, превращаясь в угрюмый утюг ледокола, а вслед за ним, словно старший брат, шел белоснежный красавец-крейсер. Толпы рыбаков, которыми усеян в это время года Финский залив, располагающиеся там основательно – с лошадьми, будками-временками и с прочими удобствами, – увидев столь необычное для зимнего времени шествие, бросали свой промысел и подходили поближе – посмотреть на эту величественную картину

---

¹⁰ Облом, разочарование (*фр.*).

¹¹ Первый случай использования таких брюк генерал французской армии Галифе испытал на своих кавалеристах, когда в 1862–1865 годах в составе французских экспедиционных сил участвовал в интервенции в Мексику. Впоследствии, будучи уже инспектором кавалерии, а позже военным министром, в конце XIX века, генерал ввел брюки нового фасона во всей французской кавалерии. Название «галифе» по отношению к таким брюкам прижилось в России, хотя во Франции они назывались «culotte bouffante», дословно «шаровары, брюки с напуском».

покорения человеком ледяной стихии. Многие без усталы кричали «ура!» самым добродушным образом, несмотря на то что «Ермак» не приносил им никакой пользы, а скорее – вред. При виде дымов «Ермака» огромное количество зевак выскочило из городских кварталов Кронштадта и припустило навстречу кораблям – пешком, на лошадях и даже на велосипедах, смешалось с гвардейцами, сделав вообще невозможными какие-либо маневры. Генералу Бобрикову стало окончательно ясно, что война как минимум откладывается.

Пара кораблей не спеша дошла почти до походных колонн, медленнодвигающихся к Кронштадту, чуть повернула в сторону крепости и застыла, возвышаясь над копошащимися на льду людьми, как медведи над муравьями. И тут крепость грохнула залпами салюта.

– Смотрите, смотрите! – указывали рукой на мачты самые глазастые, разглядевшие императорский штандарт на «Громобое» и адмиральский брейд-вымпел на «Ермаке».

– Ну что ж, вот и начальство пожаловало, – скрипнул зубами Бобриков, – в сопровождении свиты из двух дюжин трехдюймовок и дюжины шестидюймовок, и это не считая главного калибра... Сейчас начнет диктовать условия...

Но генерал ошибся. Орудия оставались зачехленными. Морской десант на палубе не присутствовал. По оперативно скинутому трапу прямо на лед бойко сбежали всего два офицера и направились к походному лагерю гвардейской дивизии. По мере приближения идущего впереди невысокого, прихрамывающего человека в форме капитана 1-го ранга, солдаты и офицеры гвардейской дивизии сначала недоверчиво вглядывались, а потом вскакивали по стойке смирно, отдавали честь и затем провожали долгим изумленным взглядом. Подойдя вплотную к командиру дивизии, человек оглядел его, смешливо прищурившись, и произнес каким-то будничным тоном, усталым голосом:

– Георгий Иванович! Приглашаю вас в свой временный штаб, любезно предоставленный Карлом Петровичем, чтобы обсудить вопрос моего сумасшествия, а также все проблемы, из этого вопроса вытекающие.

* * *

– Евно Фишелевич? – У двери конспиративной квартиры топтался молодой человек в студенческой шинели, с живыми, черными, как угольки, глазами и только-только пробивающейся растительностью на лице, неспособной пока еще скрыть верхнюю нервную губу.

– Да, – удивленно приподняв бровь, отозвался второй человек боевой организации эсеров, разглядывая его, – чем обязан?

– Я от ваших друзей из Карлсруэ, – назвал пароль незнакомец, улыбнувшись еще шире. – Да, кстати, простите – не представился. Борис Савинков, товарищ председателя студенческого добровольного общества содействия армии и флоту.

– Это того самого, образованного с высочайшего благословления? – криво улыбнулся Азеф, всем своим видом показывая, что не хочет иметь ничего общего с представителями официальной власти, и тем не менее пропуская гостя в прихожую.

– Да, того самого, – еще более широко улыбнулся Савинков, по-хозяйски проходя сразу в гостиную. – И именно у этой организации накопилась масса вопросов к вам и вашим товарищам, которых ждете вы и которые уже ждут вас... Тут недалеко... Естественно, они там не одни, а с моими людьми.

– Да кто вы такой, чтобы тут... – театрально завелся Азеф, лихорадочно соображая, как правильно поступить – продолжать разыгрывать из себя яростного революционера или признать, что он является агентом охраны, то есть одной крови с этим веселым общественником.

– Такой же честный человек, как и вы, находящийся на тайной службе, о чем имеются все надлежащие документы в известном департаменте... Можете справиться при случае у Сер-

гея Васильевича Зубатова, он разрешил... А в студенческом движении я отвечаю за оперативную работу и выполняю некоторые деликатные поручения... – Савинков, казалось, вообще не замечал смятения и внутренней борьбы двойного агента. – В субботу по условному сигналу нами был вскрыт пакет генерала Трепова с предписанием оперативных мероприятий, в ходе проведения которых выяснились любопытные обстоятельства, в частности – роль вашей организации в воскресных событиях, где погибли в том числе и наши активисты, причем не от солдатских штыков и пуль, а вот от этого... – И Савинков достал из кармана и поставил на шляпную полку пулю от браунинга. – Знакомая штукавина, не так ли, товарищ...

– Вот что, господин студент, – окрысился Азеф, – а ну-ка забирайте свое барахло и валите отсюда, не знаю я ничего ни про субботу, ни про воскресенье... и про понедельник, на всякий случай, тоже...

– Я-то уйду, – вздохнул Савинков, – но вот рабочие... Они каким-то образом тоже узнали, кто из-за их спин стрелял в солдат и где вас искать. Если я не ошибаюсь, – гость наклонил голову, прислушиваясь, – они уже здесь... Ну хорошо, не буду, Евно Фишелевич, мешать вам рассказывать возмущенному пролетариату, что вы тут ни при чем. Полагаю, что вас ждет вечер, полный ярких незабываемых впечатлений... Нет-нет, даже не смотрите туда – черный ход с потайной дверью в шкафу тоже блокирован.

– Подождите! Стойте! – лицо Азефа пошло красными пятнами. – Вы можете их остановить?

– Очень ненадолго, – притворно вздохнул Савинков, – только на время, которое потребуется вам для написания краткого, но содержательного отчета, кто и по чьему распоряжению ликвидировал наших филеров? Кто и по чьему поручению стрелял в солдат и в толпу? Ну и на сладкое – кто осуществил налет на штаб-квартиру лейб-жандармерии?

– Это не я! Это не мы!!! – как от гадюки, отпрянул от гостя Азеф.

– Знаю-знаю, что не вы, Евно Фишелевич, – с лица Савинкова не сползала улыбка, – мы за вами с субботы присматриваем. Но кто? По чьему приказу? Вы ведь знаете!.. Думайте быстрее – ваши друзья из рабочих кварталов уже поднимаются по лестнице...

– Да-да, хорошо, – как-то разом сник двойной агент, присаживаясь в кресло и беря в руки перо. – На чье имя писать?

– Вы солидный человек, Евно Фишелевич. Пишите сразу на имя его величества, а он уж разберется, кому эту информацию передать... – Савинков незаметно переместился за спину к сопящему Азефу, старательно выводящему каракули. – Ну что же вы тут загадки излагаете? Какой такой Луидор? Вот так и пишите – Луи Огюст, сын посла Франции маркиза де Монтебелло... А Москович – это кто? Парвус? Гельфанд? Ну хорошо, пишите через тире – Александр Израильевич Гельфанд... Он же – Парвус... Что там дальше? Опять непонятно... Фальк – это фамилия? Псевдоним? Только не говорите, что не знаете... Вот и вспоминайте, учтите – у нас мало времени, слышите, в дверь уже колотят? Что значит «хоть убейте»? Хотя мысль интересная... Ну хорошо, поставьте знак вопроса... А подпись? Стесняетесь? Да ладно, и так сойдет. Все-все, иду выполнять свои обещания...

Савинков вышел из гостиной, раздались щелчки открываемого замка, потом какой-то шум и крик, топот множества ног, и удивленный Азеф увидел на пороге своего гостя. За его спиной маячили недобрые лица в треухах и картузах.

– А вот и он, – жестом конферансье на сцене Савинков указал на эсера, – а вот его чистосердечное признание в содеянном, – и он поднял над головой исписанный лист бумаги. Гостиную в момент затопила волна людей в рабочих куртках.

– Савинков, – успел крикнуть Азеф, – вы бесчестный человек! Вы подлец, Савинков!..

– Я знаю, – улыбнулся студент, выходя из гостиной и пряча поглубже листок с оперативной информацией, идеально дополняющей ранее полученную у других участников столичной боевой группы эсеров, прекратившей свое существование с сегодняшнего дня.

Георгий Победоносец

Ни командир оперативной группы ДОСАФ Борис Савинков, формирующий милицию из рабочих Санкт-Петербурга для поддержания порядка в городе, ни генералы гвардии, получившие приказы «Вскрыть в случае...», даже близко не представляли себе, какие силы сейчас поднимает император и каким образом собирается поступать в ближайшее время. Для того чтобы понять это, потребовалось бы возвратиться в его прошлую жизнь. В 1926 году старшие товарищи по партии, считавшие себя мастерами политических интриг, уверенные, что они разгромили всех конкурентов и в огромной стране не осталось ни единой силы, способной бросить им вызов, тоже не смогли его просчитать. Сталин сам по себе, имея чисто технический пост генерального секретаря партии, конечно, не смог бы ничего противопоставить таким революционным мастодонтам, как Троцкий, Каменев, Зиновьев. Но на руках у него был один козырь...

Эта история началась в Иркутской области, куда в 1903 году был отправлен в ссылку молодой Джугашвили. Место ссылки будущего Сталина – крошечный городок Новая Уда – в семидесяти верстах от Балаганска и в ста двадцати от ближайшей станции, как и все общество Российской империи, был разделен на две части: бедняки ютились в хижинах на мысе, окруженном болотами, а те, кто был хоть немного побогаче, – в окрестностях двух купеческих лавок, церкви, деревянного острога и целых пяти кабаков, с успехом заменявших местным жителям библиотеки, школы и дома культуры.

Сталин поселился в убогом покосившемся домике крестьянки Марфы Литвинцевой, где было всего две комнаты. Одна из них – кладовая, в которой хранилась пища, во второй, разделенной деревянной перегородкой, вокруг печи жила и спала вся семья. Сталин спал возле стола в кладовой, по другую сторону перегородки...

В Новой Уде нечего было делать, кроме как читать, спорить, пьянствовать, распутничать и снова пьянствовать – этим занимались и местные, и ссыльные. Сосо не чурался такого времяпровождения, но на дух не переносил своих собратьев по ссылке. Те, будучи интеллигентами в третьем поколении, считали пролетариев, принятых в партию, «чем-то вроде сословия плебеев, между тем как сами играли роль аристократии, сословия патрициев, опекающего плебейские низы от всяких тлетворных влияний», – именно так описывал внутривластную атмосферу ветеран РСДРП Аксельрод, чья «замечательная прозорливость» была отмечена в работе Ленина «Что делать?».

Не переносящий эту напыщенную публику, сосредоточенный всеми мыслями на побеге, Джугашвили сошелся с местными артельщиками. Эти «артельные ребята» были уголовные, но крепкие, основательные и, по-своему, честные. «Как ни странно, но они никогда не опускались до какого-нибудь свинства вроде доносов... А вот "политики" – среди них было много сволочей», – рассказывал уже после войны своим молодым соратникам Сталин.

За крайне скудную информацию о возможностях перемещения по бескрайним холодным просторам приходилось платить здоровьем, а точнее – похмельным токсикозом. Трезвые артельщики были на редкость немногословны, и только после многочасовых сидений в кабаках у них можно было узнать хоть что-то полезное – как идти, куда идти и что делать, чтобы добраться до Тифлиса или до Питера и при этом не сгинуть в дикой, недружелюбной местности. Отлеживаясь после одного из таких «интервью», Джугашвили сквозь тяжелую дремоту услышал разговор, где он был главным действующим лицом:

– Ну, куды ты его трогать! – раздраженно шептала Марфа. – Не видишь, болеет!..

– Некогда мне тут сидеть, пока он поправится, – отвечал Литвинцевой рокошующий басок, – бечь, значит, собрался твердо?

Последовала пауза. Было слышно, как Марфа переставляла горшки и звенела какими-то склянками.

– Скажи ему, чтобы к Еремею более со своими расспросами не приставал, – продолжил после паузы невидимый из-за занавески гость, – ничего путного он все равно у артельщиков не разведаст, а то, что они ему расскажут, и гроша ломаного не стоит. Сгинет ни за понюшку табака страдалец... А я через неделю с шишкарями обратно буду, тогда и поговорим...

Хлопнула входная дверь. Марфа завозилась в сенях и буквально всплыла, не касаясь пола, в комнату, где спал ссыльный, и присела у краешка стола, теребя кончик платка и внимательно изучая лицо грузина...

– Не спишь? – осторожно поинтересовалась она, заметив подрагивание ресниц постельяльца.

– Кто был? – проглатывая колючий комок, застрявший в горле, хрипло спросил ссыльный, не открывая глаз.

– Та, Петро, сродственник, из хожалых людей...

– Что значит «из хожалых»?

– Ну, то и значит, что из самоходов, что по своей воле за каменный пояс подались...

– Из бегунов¹², что ли? – припомнил Сосо знакомое слово из разговоров с артельщиками...

– Не, – Марфа решительно мотнула головой, – Петро наш, правильный – из поморского согласия¹³. Он на все руки мастер – и охотничать, и золотничать, и вартачить может. Прознал про твои посиделки с артельщиками и пришел предупредить тебя, чтоб поберегся...

– А что ему за дело до меня, – насутился ссыльный, недовольный, что его задушевные разговоры с местными мужиками, оказывается, уже известны всей тайге.

– А ему, мил человек, до всего есть дело, он в этих краях наставничает и тому, кому посчитает нужным, помогает. Вот и тебя приметил – узнал, что из никонианской семинарии сбежал, с инородцами не якшаешься, в бега податься хочешь, вот и решил помочь – предостеречь от лихости. Ну а слушать его или нет – тут только тебе решать. Он неволить не станет...

---

¹² Бегуны, или странники, – староверы-беспоповцы, выделившиеся из филипповского согласия в XVIII веке по признаку более категорического неприятия мира.

¹³ Поморское согласие – Покровская община старообрядцев Древлеправославной поморской церкви, не признающих священство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.